

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Уплыть за закат

Роберт Энсон Хайнлайн
Уплыть за закат. Жизнь и
любви Морин Джонсон.
Мемуары одной беспутной леди
Серия «Звезды мировой
фантастики (Азбука)»
Серия «Лазарус Лонг»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122874

Роберт Хайнлайн. Уплыть за закат. Жизнь и любви Морин Джонсон.

Мемуары одной беспутной леди: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб; 2022

ISBN 978-5-389-20883-4

Аннотация

Этот роман Хайнлайна тесно связан с теми его сочинениями, где во главе сюжета великий, ужасный и великолепный долгожитель Лазарус Лонг. Герои книги меняют жизненную концепцию и вместо привычного понятия «Мир как логика» принимают иное, более созвучное их взглядам на окружающее, — «Мир как миф», и живут сообразно выбранному решению. Линии времени, в которых существуют герои, складываются в причудливые сплетенья, здесь можно из мира отдаленного

будущего вернуться в год, скажем, 1950-й, чтобы пройтись по лондонским магазинам, или отдохнуть на планете мечты Теллусе-Терциусе после того, как тебя в эпоху Безумных лет доводили до сумасшествия маньяки от религии на Теллусе-Прайме, или вмешаться в ход боевых действий в 1941 году. Конечно, агенты из Корпуса времени не дремлют и готовы предупредить подобные несанкционированные перемещения, но на всякого мудреца довольно простоты, как говорит бессмертная поговорка...

В настоящем издании перевод доработан и дан в новой редакции.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

1	9
2	35
3	63
4	86
5	115
6	140
7	165
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Роберт Хайнлайн
Уплыть за закат.
Жизнь и любви Морин
Джонсон. Мемуары
одной беспутной леди

Robert A. Heinlein

TO SAIL BEYOND THE SUNSET: THE LIFE AND
LOVES

OF MAUREEN JOHNSON

Copyright © 1987 by Robert A. and Virginia Heinlein,
trustees U.D.T., 6/20/83

All rights reserved

© Н. И. Виленская, перевод, 1994

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Роберт Энсон Хайнлайн (1907–1988)

Наряду с Айзеком Азимовым и Артуром Кларком вхо-

дит в большую тройку писателей-фантастов и носит титул гранд-мастера. Автор знаменитых романов «Двойная звезда», «Звездный десант», «Кукловоды», «Чужак в старне чужой» и многих других, писатель – рекордсмен по числу литературных наград, включая такие престижные, как премия «Хьюго», «Небьюла» и т. д. По опросам, проводимым журналом «Локус» среди читателей, Роберт Хайнлайн признан лучшим писателем-фантастом всех времен и народов.

* * *

Уже после первого опубликованного рассказа Хайнлайн признали лучшим среди писателей-фантастов, и он сохранил этот титул до конца жизни.

Айзек Азимов

Что бы ни говорили об идеологии этого автора, его нельзя обвинить в фарисействе, разве только в простодушной наивности.

Станислав Лем

Хайнлайн верил, что фантастический рассказ имеет смысл только в том случае, если его корни уходят в самую настоящую действительность, в то же время проникая в мир воображения. Он был убежден, что выдуманная действительность не может быть опрокинута на читателя в первых же абзацах произведения, а должна проявляться постепенно,

прорастая сквозь реальность.

Роберт Сильверберг

Полвека не покладая рук он работал в фантастике, выпустил в свет 54 книги – романы, сборники рассказов и т. д. – общим тиражом 49 миллионов экземпляров. За три первых года работы он на взлете таланта создал несколько книг, которые живы и сегодня и не просто как любопытные опыты довоенной фантастики, а как совершенно современные произведения. И когда я говорю о том, что Хайнлайн – создатель современной американской фантастики, я имею в виду именно свежесть, актуальность его работы – каждая из его повестей могла быть опубликована сегодня, и мы бы восприняли ее как сегодня написанную.

Кир Булычев

* * *

Девчушкам, бабочкам и котяткам.

Сюзен, Элеоноре и Крис и, как всегда, Джинни.

С любовью,

Р. Э. Х.

...Вперед, друзья,

Открытиям еще не вышел срок.

Покинув брег и к веслам сев своим,

Уплыть за край заката и достичь

Вечерних звезд, пока еще я жив.

Комитет эстетических устраний

Я проснулась в постели с мужчиной и котом. Кот был мне знаком, мужчина – нет.

Я закрыла глаза и попыталась сосредоточиться – пристегнуть настоящее к воспоминаниям о вчерашнем вечере.

Бесполезно. Никакого «вчера» не существовало. Последнее, что я помню четко, – это салон иррелевантобуса Берроуза¹, в котором ехала в Нью-Ливерпуль. Потом раздался громкий треск, я ударилась головой о переднее сиденье, какая-то женщина подала мне ребенка, и мы все потянулись к аварийному выходу правого борта. В одной руке у меня был кот, в другой – ребенок. Потом я увидела мужчину, которому оторвало правую руку...

Содрогнувшись, я открыла глаза. Нет, у незнакомца рядом со мной рука была на месте и кровь не хлестала из куцего обрубка. Может, мне просто приснился кошмар? Я го-

¹ Выход в иррелевантность, т. е. «безотносительность» к текущему пространству-времени, – метод пространственно-временных перемещений, который использовался, например, на яхте «Дора» Лазаруса Лонга (см. романы «Достаточно времени для любви» и «Кот, который ходил сквозь стены»). Метод, открытый Джейкобом Берроузом, позволял континуумоходу «Гэй Обманщица» перемещаться не только в пространстве-времени, но и между вселенными (см. роман «Число Зверя»). – *Примеч. С. В. Голд.*

рячо надеялась, что это так.

А если не так, то куда я дела ребенка? И чей он, собственно? Морин, так не пойдет. Если ты потеряла ребенка, тебе нет прощения.

– Пиксель, ты ребенка не видел?

Кот промолчал, и суд постановил, что он не признает себя виновным.

Отец когда-то сказал мне, что я единственная из его дочерей, способная, усевшись на церковную скамью, вдруг обнаружить, что плюхнулась на горячую лимонную меренгу. Любая другая посмотрела бы, куда садится. (Я-то как раз смотрела. Но мой кузен Нельсон... Ну да ладно.)

Если оставить в стороне лимонные меренги, кровавые обрубки, пропавших детей, возникает вопрос: что за человек лежит в постели, повернувшись ко мне тощей спиной, скорее как супруг, чем как любовник? (Не припомню, чтобы выходила за него замуж.)

Я и раньше делила постель с мужчинами – и с женщинами, и с детьми, которые могли в нее надуть, и с кошками, которые занимали большую ее часть, и (однажды) с целым квartetом. Но будучи женщиной старомодной, все-таки предпочитаю знать, с кем сплю.

– Пиксель, кто это? Мы его знаем? – спросила я у кота.

– *Н-н-н-е-е-т.*

– Тогда давай посмотрим. – Я положила руку на плечо неизвестному, чтобы разбудить его и спросить, где мы с ним

познакомились – если мы знакомы.

Плечо было холодное.

Он был мертв.

Не лучший способ начинать день.

Схватив Пикселя, я вскочила как ошпаренная. Пиксель запротестовал.

Я рывкнула:

– А ну, заткнись! У мамы проблемы. – Отключив на долю секунды свой подкорковый центр, я решила не выходить пока ни на улицу, ни в коридор (куда там ведет эта дверь?), а повременить и постараться оценить ситуацию, прежде чем звать на помощь. В этом был свой резон, поскольку я была в чем мать родила. У меня нет предрассудков на этот счет, но благоразумнее будет все же одеться, прежде чем заявлять о трупe. Полиция, вероятно, захочет меня допросить, а я этих легавых знаю – они используют любой повод, чтобы вывести человека из себя.

Поглядим сначала на труп...

Все еще прижимая к себе Пикселя, я обошла кровать и наклонилась над мертвым телом. (Фу-у!) Нет, я его не знала. И вряд ли захотела бы лечь с ним в постель, будь он даже жив-здоров. Но он не был: его половина кровати была залита кровью (брр). То ли она вытекла у него изо рта, то ли ему перерезали горло – я не знала, что именно случилось, и выяснять это мне не хотелось.

Я попятилась и стала искать свою одежду. Чутье подсказывало мне, что я нахожусь в отеле: гостиничный номер можно сразу отличить от комнаты в частном доме. Номер был роскошный – мне пришлось долго шарить в разных шкафах, комодах и нишах... а потом повторить это еще раз, поскольку никакой одежды я не нашла. Повторный осмотр, более тщательный, тоже ни к чему не привел. Ни клочка одежды – ни женской, ни мужской.

Волей-неволей я решила позвонить управляющему, поделиться с ним своей проблемой, попросить его вызвать полицию и принести мне какой-нибудь халат, кимоно или что-нибудь в этом роде.

Я стала искать телефон – но Александр Грэхем Белл, как видно, зря прожил свою жизнь.

– Да пес их возьми! – в отчаянии закричала я. – Куда они засунули этот чертов аппарат?

– Мадам желает заказать завтрак? – раздался голос неведомо откуда. – Рекомендуем наш фирменный утренний стол: ваза с разнообразными свежими фруктами, несколько сортов сыра, корзинка со свежей выпечкой – хрустящие хлебцы и свежие мягкие булочки с джемом, желе, патокой и бельгийским маслом. В меню также имеются молодые барлопы *en brochette*², топленые яйца по-октавиански, копченый саванна слинкер³, фаркели в кисло-сладком соусе, баварский

² На вертеле (*фр.*). – Примеч. С. В. Голд.

³ *Savannah slinker* – никто не знает, что это за зверь. Хайнлайн иногда исполь-

штрудель. Большой выбор обычных и игристых вин. Пиво «Штрайн», сносящее крышу. Кофе «моха», «кона», по-ту-рецьки, «проксима» – смесь или чистое. Все подается...

Я едва подавила позыв к тошноте:

– Не нужен мне завтрак!

– Может быть, мадам предпочтет наше «праздничное утро» – фруктовый сок на ваш вкус, свежевыпеченный рога-лик, изысканный выбор джемов или желе, а также сытный, но низкокалорийный горячий напиток по вашему выбору. В сопровождении последних известий, ненавязчивой фоновой музыки или же в умиротворяющей тишине...

– Я не хочу есть!

– Мадам, – озабоченно ответил голос, – я запрограммирован только на обслуживание блюдами и напитками. Переключить вас на другую программу? Служба уборки? Старший портье? Ремонтная служба?

– Дайте мне управляющего.

После короткой паузы я услышала:

– Обслуживание! Гостеприимство с улыбкой! Чем могу вам помочь?

– Соедините меня с управляющим!

– У вас возникли какие-то проблемы?

– Проблема в тебе! Ты человек или машина?

– Неужели это столь важно? Пожалуйста, скажите, чем я

могу вам помочь.

– Если вы не управляющий, то ничем. Так на чем вы работаете – на гормонах или на электронах?

– Мадам, я машина, но очень гибкого типа. В моей памяти хранится весь курс прокрустов института гостиничного дела плюс все тематические наработки, сделанные до вчерашнего дня. Если вы сообразоволяете изложить свою проблему, я немедленно подберу прецедент и скажу, как можно ее разрешить к удовлетворению гостя. Итак, я вас слушаю.

– Если ты сию же минуту не соединишь меня с управляющим, то гарантирую тебе, что он разнесет топором твою ржавую башку и поставит вместо тебя аналоговый мозг Берроуз – Либби. Кто бреет брадобрея?⁴ Что говорят об этом твои тематические наработки? Идиот.

На этот раз мне ответил женский голос:

– Контора управляющего. Чем могу помочь?

– Заберите мертвеца из моей постели!

Пауза.

– Служба уборки. Говорит Эстер. Чем мы можем вам помочь?

– У меня в постели труп. Меня не устраивает подобный беспорядок.

Снова пауза.

⁴ Парадокс Рассела звучит так: «Брадобрей бреет всех, кто не бреется сам. Кто бреет брадобрея?» Вопрос «Кто бреет брадобрея?» логически неразрешим, Морин намекает, что и ее проблема так же непосильна для машинного сознания. – *Примеч. С. В. Голд.*

– Эскорт-служба Цезаря Августа, услуги на любой вкус. Если мы правильно поняли, у вас в постели умер кто-то из нашего персонала?

– Я не знаю, кто он, – знаю только, что он мертвый. Кто у вас занимается такими вещами? Горничная? Мусорщики? Гостиничный врач? Пусть заодно сменят простыни.

На этот раз мне включили фоновую музыку. Я прослушала две первые арии «Кольца нибелунгов» и начала слушать третью...

– Расчетная служба, говорит мистер Мюнстер. Этот номер предназначен для одиночного заселения. Мы должны будем взять дополнительную...

– Слушай меня, придурок, это же труп. Как можно брать с трупа плату за проживание? Между прочим, его кровь капает с постели на ваш ковер. Если не пришлете кого-нибудь прямо сейчас, ковер будет испорчен.

– За порчу ковра взимается штраф. Это выходит за рамки обычного износа.

– *P-p-p!*

– Простите?

– Я сейчас подожгу шторы.

– Вы зря потратите время, эти шторы огнеупорны. Однако я записываю вашу угрозу на пленку. Согласно положению о гостиницах, раздел семь дэ...

– Уберите отсюда этого мертвеца!

– Минутку. Соединяю вас со старшим портье.

– Я пристрелю его, как только он войдет в дверь. Я кусаюсь. Я царапаюсь. У меня пена изо рта. Я забыла принять свои таблетки.

– Мадам, пожалуйста, держите себя в руках. Мы гордимся своим...

– А потом я спущусь в ваш кабинет, мистер монстр Мюнстер, выдерну вас из вашего кресла и сяду в него сама, а вас перекину через колено и спущу с вас штаны... Я вам не говорила, что я с Гаммы Геркулеса? Две с половиной g — мы таких, как вы, на завтрак едим. Так что оставайтесь на месте, чтобы мне не пришлось за вами гоняться.

– Мадам, с сожалением должен сказать, что вы не можете сесть в мое кресло.

– Хотите поспорить?

– У меня нет кресла; я надежно привинчен к полу. А теперь я должен проститься с вами и передать вас нашей службе безопасности. В ваш счет будут включены дополнительные пункты. Желаю приятно провести у нас время.

Они явились слишком быстро – я еще смотрела на те огнестойкие шторы и раздумывала: использовать мне их, как Скарлетт О’Хара использовала портьеры Тары⁵, или ограничиться тогой, как Юнис в «Последних днях Помпеи» (или это из «Камо грядеши»?). Тут они и ввалились: местный док-

⁵ Т. е. сшила из них платье, как поступила героиня романа М. Митчелл «Унесенные ветром».

тор, местный сыщик и местный вышибала (последний с тележкой). За ними толпились еще какие-то личности, и вскоре из собравшегося народа уже можно было свободно набрать две команды.

Напрасно я беспокоилась о том, что голая, — никто на меня и внимания не обращал... и это меня раздражало. Джентльмены обязаны хотя бы ухмыльнуться. Уместны были бы также свист, улюлюканье и прочие знаки внимания. Иначе женщина теряет уверенность в себе.

(Возможно, я слишком чувствительна — но с тех пор, как мне минуло полтора года, я каждое утро с немым вопросом изучаю себя в зеркале.)

В толпе, которая вломила ко мне, была только одна женщина. Оглядев меня, она фыркнула, отчего мне сразу стало легче.

Потом мне вспомнилось кое-что. Когда мне было двенадцать, отец сказал, что у меня будет много хлопот с мужчинами.

— Отец, вы, видно, последнего ума лишились, — сказала я. — Я же некрасивая. Мальчишки в меня даже снежками не кидаются.

— Чуть больше уважения. Это не важно, что ты некрасивая. Все дело в том, как от тебя пахнет, дорогая моя дочка. Тебе следует почаще мыться... иначе в одну прекрасную ночь тебя изнасилуют и убьют.

— Я моюсь каждую неделю! Сами знаете!

– В твоём случае этого недостаточно. Запомни мои слова.

Я запомнила и убедилась, что отец знал, о чем говорит. Когда мне хорошо и я счастлива, от меня пахнет, как от кошки во время течки. Но сегодня мне было плохо. Сначала меня напугал мертвец, потом машины своим вяканьем вывели меня из себя – а это дает совсем другой запах. Кошка, у которой нет течки, может спокойно пройти через целое собрание котов, и никто на нее не обратит внимания. Как не обратили внимания на меня.

С моего бывшего соседа по кровати сняли простыню. Доктор осмотрел труп, не прикасаясь к нему, потом пригляделся повнимательней к жуткой красной луже, в которой тот лежал, нагнулся, понюхал, а потом – у меня мурашки пошли по коже – обмакнул в нее палец и попробовал на вкус.

– Попробуйте вы, Адольф. Послушаем, что вы скажете.

Его коллега (по моему предположению) тоже попробовал на язык кровавую жижу:

– «Хайнц».

– Нет, «Скиннер».

– При всем моем уважении к вам, доктор Ридпат, вы испортили себе вкус дешевым джином, которым постоянно накачиваетесь. В «скиннеровском» кетчупе соли больше, и это убивает нежный томатный вкус. Вы не чувствуете разницы из-за своих дурных привычек.

– Десять тысяч, доктор Вайскопф? Все или ничего.

– Будь по-вашему. Как вы думаете, что послужило причиной смерти?

– Не пытайтесь подловить меня, доктор. Причина смерти – это ваша забота.

– Остановка сердца.

– Блестяще, доктор, блестяще. Но отчего оно остановилось?

– В случае судьи Хардэйкера вопрос уже несколько лет, скорее, стоял так: отчего он еще жив? Прежде чем высказать свое мнение, я должен положить его на стол и вскрыть. Может быть, я поторопился. Может быть, окажется, что у него вообще не было сердца.

– Вы хотите его вскрыть для того, чтобы это выяснить, или для того, чтобы он уже наверняка не ожил?

– Что-то здесь шумно. Оформляйте передачу тела, и я отправлю его в морг.

– Давайте форму девятьсот четыре, я заполню. Главное, не показывайте эту дохлятину гостям. В гранд-отеле «Август» никто не умирает.

– Доктор Ридпат, я умел улаживать подобные дела, когда вы еще корпели над своим дипломом.

– Уверен, что умели, Адольф. Сыграем после в лаунбол?

– Хорошо, Эрик, спасибо.

– А потом пообедаем. Зенобия будет вас ждать. Я заеду за вами в морг.

– Извините, не могу. Иду со своим ассистентом на оргию

к мэру.

– Ничего страшного. Зенобия тоже не пропустит большую вечеринку фиесты – пойдем все вместе. Так что приводите и ее.

– Не «ее», а «его».

– Простите, был немного удивлен; я думал, вы с этим завязали. Что ж, приведите его.

– Эрик, вас не угнетает собственный цинизм? Он сатир, а не гусыня.

– Тем лучше. Когда на закате начнется фиеста, Зенобия оценит любую галантную фривольность с его стороны – лишь бы кости ей не переломал.

Из их дурацкой болтовни я уяснила одно: это не Нью-Ливерпуль. В Нью-Ливерпуле не празднуют никакой фиесты – а в местном фестивале, похоже, сочетаются мюнхенский Fasching⁶ и карнавал в Рио с легкой примесью тюремного бунта. Итак, это не Нью-Ливерпуль. Остается определить, что это за город, что за планета, что за год и что за вселенная. А там надо подумать и о себе. Одежда. Деньги. Социальное положение. И как попасть домой. Но я не волновалась. Пока плоть еще не остыла и кишечник работает регулярно, все проблемы второстепенны и преходящи.

Двое докторов продолжали вышучивать друг друга, и я вдруг осознала, что еще ни слова не слышала на галакте. И

⁶ Масленичный карнавал (нем.).

даже на испанге⁷. Они говорили на английском с резким выговором моего детства, а их словарь и идиомы тоже напомнили мне родной Миссури.

Морин, не смейся людей.

Пока лакеи готовились вынести тело (теперь это было просто нечто, завернутое в пыльные покрывала), судебный медик (или коронер?) взял сопроводительную карту, подписанную гостиничным врачом, и они оба собрались уходить. Я остановила местного доктора:

– Доктор Ридпат?

– Да? В чем дело, мисс?

– Меня зовут Морин Джонсон Лонг. Вы служите в этом отеле, не так ли?

– В некотором роде. У меня здесь кабинет, и я лечу гостей отеля, когда необходимо. Вам нужно на прием? Я тороплюсь.

– Только один вопрос, доктор. Как в этом отеле можно связаться с кем-нибудь из плоти и крови? Мне отвечают одни только болваны-роботы, а я тут застряла без одежды и без денег.

Доктор пожал плечами:

– Кто-нибудь непременно явится, как только я доложу о смерти судьи Хардэйкера. Беспокойтесь о своем гонораре?

⁷ Язык придуман самим Хайнлайном (его название явно происходит от слов ИСПанский + АНГлийский), и на временной линии Два он служит аналогом искусственного международного языка эсперанто (создан Л. Заменгофом в 1887 г.) или же дальнейшим развитием аналогичной идеи.

Почему бы вам не позвонить в агентство, которое вас к нему отправило? У судьи там, я думаю, открыт текущий счет.

– О! Но, доктор, я не проститутка – хотя этот вывод, наверное, напрашивается сам собой.

Он так высоко вздернул правую бровь, что зачес надо лбом дрогнул, и заговорил о другом:

– У тебя красивая киска.

Я не сразу поняла, что это относится к моему четвероногому спутнику. Котик он, безусловно, красивый – огненно-рыжий котище (под цвет моих волос) в яркую тигровую полосу. Им восхищаются в нескольких вселенных.

– Спасибо, сэр. Его зовут Пиксель, он кот-путешественник. Пиксель, это доктор Ридпат.

Доктор поднес палец к розовому кошачьему носику:

– Здорово, Пиксель.

Пиксель проявил понимание (он не всегда проявляет его, будучи котом с твердыми убеждениями). Но тут он обнюхал протянутый палец и лизнул его.

Доктор расплылся в улыбке, а когда Пиксель счел, что ритуальный поцелуй длится достаточно долго, убрал свой палец.

– Чудный мальчик. Где вы его взяли?

– На Терциусе.

– Где этот Натерцус? В Канаде? Мм... Вы говорили, что у вас проблемы с деньгами... Сколько вы возьмете за Пикселя? Наличными? Моя девчушка прямо влюбится в него.

(Я не стала мошенничать. Могла бы, но не стала. Пикселя нельзя продать – он не останется у нового хозяина, потому что этого кота и запереть невозможно. Каменные стены для него не тюрьма⁸.)

– Прошу прощения, но я не могу его продать – это не мой кот. Он из семьи моего внука – одного из моих внуков – и его жены. А Колин и Хейзел никогда бы не продали его, да и не смогли бы – Пиксель им тоже не принадлежит. Он никому не принадлежит. Пиксель – свободный гражданин.

– Вот как? А может, я сумею его подкупить? Что скажешь, Пиксель? Много конской печенки, свежая рыба, кошачьи консервы – все, что захочешь. Вокруг полно сговорчивых кошечек, а твои запальные свечи мы трогать не станем. Ну как?

Пиксель беспокойно дернулся, что означало «пусти меня», и я послушалась. Он обнюхал докторские ноги, потерялся о них и недоверчиво спросил:

– Да нну-у?

– Соглашайтесь, – сказал мне доктор. – Кажется, я его завоевал.

– Не ручаюсь, доктор. Пиксель любит путешествовать, но всегда возвращается к моему внуку – полковнику Колину Кэмпбеллу – и к его жене Хейзел.

Доктор в первый раз посмотрел на меня как следует:

⁸ Слегка искаженная цитата из английского поэта XVII в. Ричарда Лавлейса: «Железные решетки мне не клетка и каменные стены не тюрьма».

– Внук-полковник? Мисс, да у вас галлюцинации.

(Я вдруг увидела себя его глазами. На Терциусе перед отъездом Иштар подвергла меня усиленной терапии – мне тогда было пятьдесят два, – а Галахад перестарался с косметическим освежением. Он предпочитает видеть женщин юными, особенно рыжих. И моих дочерей-близняшек постоянно держит в подростковом возрасте. Теперь мы с ними выглядим как тройняшки. Галахад – безобразник. Он самый любимый мой муж после Теодора, но об этом никто не знает.)

– Галлюцинации? Возможно, – согласилась я. – Я не знаю, где нахожусь, не знаю, какой сегодня день, не знаю, куда делись мои вещи и кошелек, не знаю, как здесь оказалась, – знаю только, что ехала на иррелевантобусе в Нью-Ливерпуль и с нами произошла какая-то авария. Не будь со мной Пикселя, я бы сомневалась, что я – это я.

Доктор Ридпат нагнулся к Пикселю, и тот позволил взять себя на руки.

– На чем, говорите, вы ехали?

– На межвселенском транспорте Берроуза, из Бундока⁹ на Теллус-Терциус, временная линия Два, две тысячи сто сорок девятый год по галактическому летоисчислению или четыре тысячи триста шестьдесят восьмой по григорианскому, если вам так проще. Направлялась я в Нью-Ливерпуль, тоже на временную линию Два, где у меня было задание. Но что-то

⁹ *Бундок*, он же Глухомань, – первое поселение на планете Терциус, в дальнейшем столица (см. «Достаточно времени для любви»). – *Примеч. С. В. Голд.*

не сработало.

– Так-так. И у вас есть внук-полковник?

– Да, сэр.

– Сколько же вам лет?

– Смотря как считать, доктор. Родилась я на Земле, на временную линию Два, четвертого июля тысяча восемьсот восемьдесят второго года. Я жила там до тысяча девятьсот восемьдесят второго, сто лет без двух недель, а потом переехала на Терциус, где меня омолодили. Было это пятьдесят два года назад по моему личному времени, а недавно со мной провели усиленный курс и сделали меня моложе, чем следовало бы: я предпочитаю быть зрелой женщиной, а не девчонкой. Но у меня действительно есть внуки – много внуков.

– Интересно. Может быть, пройдем в мой кабинет?

– Вы думаете, я не в своем уме?

Доктор ответил не сразу:

– Скажем лучше так: кто-то из нас двоих галлюцинирует. Тесты покажут, кто именно. И потом, моя медсестра, отличающаяся крайним цинизмом, без всяких тестов раскусит, у кого из нас крыша поехала. Пойдемте?

– Конечно. Спасибо вам, сэр. Только мне сначала надо что-нибудь надеть на себя, иначе я не смогу никуда выйти. (Впрочем, так ли это? У тех людей, что недавно здесь толпились, видимо, другие понятия о «непристойном виде», чем в Миссури моего детства. А у нас на Терциусе ходить нагишом у себя дома – в порядке вещей, в общественных местах на-

гота тоже не вызывает волнений. Все равно как если бы кто-нибудь пришел на свадьбу в комбинезоне – не совсем обычно, но ничего особенного.)

– Зачем? Ведь фестиваль вот-вот начнется.

– Фестиваль? Доктор, я все время пытаюсь объяснить вам, что я здесь чужак в земле чужой.

– Скоро начнется наш самый большой праздник. Официально он открывается на закате, но многие не дожидаются официального открытия. Сейчас перед отелем по бульвару уже бродит немало голых людей, они все пьяные и ищут себе партнеров.

– Партнеров? Для чего? – с притворной наивностью спросила я. Оргии не по мне. Все эти локти и коленки...

– А вы как думаете – для чего? Это обряд плодородия, дорогая моя, праздник в честь обильного роста плодов земных – и животов, если уж на то пошло. Сейчас все девственницы, которые еще остались в нашем славном городе, сидят под замком. Но по дороге в кабинет с вами ничего не случится... а потом я найду вам что-нибудь из одежды. Комбинезон, сестринскую форму – все равно что. Вас это устроит?

– Да, доктор, спасибо.

– На вашем месте, чтобы уж совсем не беспокоиться, я бы поискал в ванной большое пляжное полотенце и сделал из него кафтан. Если сумеете управиться за три минуты. Не копайтесь, милочка, мне пора к станку.

– Слушаюсь! – И я нырнула в ванную. Это была настоя-

щая ванная – не какой-то освежитель. Обшаривая номер в поисках одежды, я видела там стопку турецких полотенец. Теперь я присмотрелась к ней повнимательнее и увидела, что два из них заметно толще остальных. Я развернула одно из них. Эврика! Прямо пончо богатого латиноамериканца, футов шесть в длину и три в ширину. Взяв из аптечки бритву, я прорезала посредине дырку для головы. А теперь найти бы, чем подпоясаться.

Пока я этим занималась, из фена для волос появилась человеческая голова – женская и довольно красивая. Тела не было. Случись это в мою первую сотню лет, я бы подскочила, но теперь голограммы для меня – дело привычное.

– Никак не удавалось застать вас одну, – сказала голова глубоким баритоном. – Я говорю от имени Комитета эстетических устраниений. Мы, кажется, причинили вам некоторые неудобства, о чем искренне сожалеем.

– Надо полагать! А что стало с ребенком?

– Не имеет значения. Мы будем держать с вами связь. – И голова исчезла.

– Эй, подождите! – Но передо мной снова был только фен.

Доктор Ридпат отвел глаза от Пикселя, продолжая почесывать ему подбородок:

– Пять минут сорок секунд.

– Извините, что задержалась, но мне помешали. Из фена появилась голова и заговорила со мной. Это здесь часто бы-

вает? Или у меня опять галлюцинации?

– Вы, кажется, действительно нездешняя. Это телефон. Вот смотрите: телефон, пожалуйста!

Из рамы с довольно невыразительным натюрмортом высунулась голова, на сей раз мужская.

– Куда желаете звонить, сэр?

– Отбой. – (Голова скрылась.) – Так было?

– Да, только у меня была девушка.

– Само собой. Звонок застал вас в ванной, и компьютер выбрал голову соответствующего пола. Голова шевелит губами согласно произносимым словам – за этим тоже следит компьютер – и заменяет собой видеоизображение, если вы не хотите, чтобы вас видели. То же относится и к тому, кто вам звонит.

– Понятно. Голограмма.

– Да. Ну, пошли. Вы очень аппетитно выглядите в своем полотенце, но без него было еще лучше.

– Благодарю вас.

Мы вышли в коридор; Пиксель зигзагами бежал впереди.

– Доктор, что такое «Комитет эстетических устранений»?

– Что? – удивился он. – Это организация убийц. Преступные нигилисты. А где вы про них слышали?

– Голова сказала в ванной. Этот ваш телефон. – И я повторила ему разговор почти дословно.

– Хм. Интересно. – Доктор умолк и молчал до самого кабинета, который находился десятью этажами ниже, в бель-

этаже.

По пути нам повстречалось несколько постояльцев, не дождавшихся заката – большей частью голые и в масках домино, но некоторые и в маскарадных костюмах: звери, птицы или нечто абстрактное. Одна пара щеголяла искусной раскраской на коже, ничем более не прикрытой. Я была рада, что на мне махровый кафтан.

Когда мы добрались до кабинета доктора Ридпата, я задержалась в приемной, а доктор в сопровождении Пикселя прошел в кабинет. Дверь он не прикрыл – мне было все видно и слышно. Его медсестра, стоя ко мне спиной, говорила по телефону – то есть общалась с говорящей головой. Больше в кабинете, кажется, никого не было. Меня слегка удивило то, что сестра тоже поддалась эпидемии обнажения: на ней были туфли, трусики и шапочка медсестры, а белый комбинезон был перекинут через руку, – видимо, звонок застал ее, когда она раздевалась. Или переодевалась. Сестра была высокая, стройная брюнетка – лица ее я не видела.

– Скажу доку, – говорила она. – Ночью смотрите в оба. Увидимся в тюрьме. Пока. – Она полуобернулась к доктору. – Это Даффи Вайскопф, босс. Сообщаю вам предварительные итоги. Причина смерти – удушье. Причем в горло старому ублюдку, прежде чем залить туда кетчуп, засунули пластиковый конверт со всем известной – или печально известной – карточкой: «Комитет эстетических устранений».

– Я так и предполагал. Он не сказал, какого сорта кетчуп?

– Да божечки, ну сейчас!

– А что это вы разоблачились? Фестиваль начнется только через три часа.

– Смотрите сюда, погоняла! Видите эти часы, отсчитывающие драгоценные секунды моей жизни? Видите, что они показывают? Одиннадцать минут шестого. А в моем контракте сказано, что я работаю до пяти.

– Там сказано, что вы должны оставаться на работе, пока я не отпущу вас, а после пяти вам просто платят сверхурочные.

– Пациентов не было, и я решила переодеться в карнавальный костюм. Погодите, босс, вы его еще не видели! Священника в краску вгонит.

– Сомневаюсь. И потом, у нас пациентка, и мне нужна ваша помощь.

– Ой, ладно, ладно! Сейчас снова оденусь Флоренс Найтингейл¹⁰.

– Чего зря время тратить. Миссис Лонг! Входите, пожалуйста, и раздевайтесь.

– Да, сэр. – Я вошла, на ходу снимая с себя краденый «кафтан». Все понятно, благоразумный врач принимает больных женского пола только в присутствии сестры. Это универсальное правило во всей мультивселенной. Если сест-

¹⁰ *Флоренс Найтингейл* (1820–1910) – английская медсестра, особенно прославившаяся во время Крымской войны; впоследствии сделала очень много для коренной реорганизации госпиталей и больниц.

ра при этом голая, тем лучше – не надо и на пациентку наплевывать дурацкий балахон. Помогая сначала отцу, а потом проработав много лет в бундоской клинике омоложения и в больнице при ней, я постигла все тонкости медицинского протокола. Сестры в Бундоке одеваются, только когда это требуется по работе – а требуется редко, поскольку пациенты обычно раздеты. – Только не «миссис Лонг», доктор. Меня обычно называют «Морин».

– Хорошо, Морин. А это Дагмар. «Алиса, это пудинг. Пудинг, это Алиса»¹¹. И Пиксель, Дагмар, – это который на коротких ножках.

– Привет, Морин. Привет, Пиксель.

– *Мя-я-у.*

– Привет, Дагмар. Извините, что задерживаю вас.

– *De nada*¹², лапочка.

– Дагмар, из нас двоих кто-то спятил: или я, или Морин.

Скажите кто.

– А может, оба? На ваш счет я давно уже питаю сомнения, босс.

– Это понятно. Но у нее и в самом деле что-то выпало из памяти – это как минимум. Плюс возможные галлюцинации. Вы учили *materia medica* гораздо позже меня: если бы кто-то захотел вызвать у человека временную амнезию, какой бы наркотик он выбрал?

¹¹ Л. Кэрролл. Алиса в Стране чудес. – *Примеч. С. В. Голд.*

¹² Не стоит (*исп.*).

– Что? Вот не надо простачком прикидываться. Алкоголь, конечно. Но это может быть что угодно. В наше время де-тишки едят, пьют, нюхают, курят и колют все, что не пытается съесть, выпить или понюхать их самих.

– Нет, не алкоголь. Алкоголь в необходимом для этого количестве вызывает жуткое похмелье с дурным запахом изо рта, дрожью и судорогами, и глаза наливаются кровью. А посмотрите-ка на нее: глаза ясные, здорова как лошадь и невинна, как щенок на чистом белье. Пиксель! Уйди оттуда! Так что же будем искать?

– Не знаю – давайте начнем, тогда увидим. Кровь, моча... слюну тоже взять?

– Конечно. И пот, если наберете.

– И вагинальный мазок?

– Да.

– Погодите, – возразила я. – Если вы собираетесь копаться у меня внутри, мне надо принять душ и подмыться.

– Фиг тебе, лапочка, – ласково ответила Дагмар. – Нам нужно то, что есть сейчас... а не то, что будет, когда ты сможешь свои грехи. Не спорь, мне неохота ломать тебе руку.

Я умолкла. Мне бы хотелось, чтобы от меня хорошо пахло (или вообще никак не пахло) во время осмотра. Но как докторская дочка и сама терапевт, я знаю, что Дагмар права, раз они ищут наркотики. Вряд ли найдут – но вдруг. У меня и в самом деле выпало несколько часов. Или дней? Все может быть.

Дагмар заставила меня пописать в баночку, взяла у меня кровь и слюну на анализ, потом велела лечь на кресло и поставить ноги в стремена.

– Кому это сделать – мне или боссу? Уйди, Пиксель. Не мешай.

– Все равно.

(Дагмар – по-настоящему внимательная сестра. Некоторые пациентки не выносят, когда их там трогают другие женщины, некоторые стесняются мужчин. Меня-то отец излечил от подобных глупостей, когда мне и десяти еще не было.)

Дагмар отошла за расширителем, и я кое-что подметила. Я уже говорила, что она брюнетка. На ней по-прежнему не было ничего, кроме трусиков – довольно прозрачных. Казалось бы, сквозь них должен просматриваться темный, данный природой фиговый листок, верно?

Так вот – ничего такого. Только тень на коже да самое начало Большого Каньона.

У женщины, которая бреет или как-то по-иному депилирует волосы на лобке, любимый вид развлечения – секс. Мой любимый первый муж Брайан открыл мне на это глаза еще в эпоху декаданса, где-то в 1905 году по григорианскому календарю¹³. За свои полтора года лет я убедилась в справедливости

¹³ Во многих романах Хайнлайн, говоря о привычном нам летоисчислении, ошибочно использует слова «по григорианскому календарю». Слово «григорианский» относится к структуре календаря (показывает, как устроена внутренняя система счисления дней в году и последовательность високосов). Нумерация же годов определяется типом летоисчисления (мы используем летоисчисление «от

вости этого наблюдения на многочисленных примерах. (Подготовка к операции или к родам не в счет.) А те, кто делает это потому, что им так больше нравится – все без исключения веселые, здоровые, раскрепощенные гедонистки.

Дагмар не собиралась оперироваться и (очевидно!) не собиралась рожать. Она собиралась участвовать в сатурналиях – что и требовалось доказать.

Я испытывала к ней теплое чувство. Брайан, мир его распутной душе, оценил бы ее по достоинству.

Дагмар уже знала, в чем заключаются мои «галлюцинации» – во время процедур мы с ней все время болтали, – и знала, что я в городе чужая. Пока она прилаживала этот чертов расширитель (всегда терпеть их не могла, хотя этот обладал температурой тела и его бережно вставляла женщина, сама знающая, что это за радость), я попросила ее, чтобы отвлечься:

– Расскажите мне о вашем фестивале.

– О фестивале Санта-Каролиты? Эй, лапочка, не зажимайся так, осторожней. Ты сделаешь себе больно.

Я вздохнула и попыталась расслабиться. Санта-Каролита – это моя вторая дочь, рожденная в 1902 году по григорианскому календарю.

Рожества Христова», которое можно также назвать «эрой Дионисия» или «нашей эрой»).

2

Сад Эдема

Я помню Землю.

Я знала ее, когда она была еще свежей и зеленой, прекрасная невеста человечества, сладостная, обильная и желанная.

Речь идет, конечно, лишь о моей родной временной линии – Второй, код «Лесли Лекруа»¹⁴. Но все наиболее известные временные линии, те, которые охраняются Корпусом времени по поручению Круга Уробороса, в год моего рождения – 1882-й по григорианскому календарю, через год после смерти Айры Говарда¹⁵ – представляли собой единую линию. В том году население Земли составляло полтора миллиарда человек. Когда же я, всего век спустя, покидала Землю, ее население возросло до четырех миллиардов, и эта куча народу удваивалась каждые тридцать лет.

Помните древнюю персидскую притчу о том, как удваивали зернышки риса на шахматной доске?¹⁶ Четыре миллиарда

¹⁴ *Лесли Лекруа* – первый астронавт, достигший Луны в повести «Человек, который продал Луну». – *Примеч. С. В. Голд.*

¹⁵ В романе «Дети Мафусаила» написано следующее: «Айра Говард, чье состояние легло в основу Фонда его имени, родился в 1825-м и умер от старости в 1873 году».

¹⁶ В этой притче правитель, желая вознаградить изобретателя шахмат, предложил ему любое сокровище. Изобретатель попросил очень скромную, на взгляд

человек – это вам не рисовое зернышко: никакой доски не хватит. На одной из временных линий население Земли перед окончательной катастрофой раздулось до тридцати миллиардов, на другой – конец наступил, когда оно еще не достигло десяти. Но на всех временных линиях доктор Мальтус смеялся последним¹⁷.

Бесполезно скорбеть над холодным телом Земли – это все равно что плакать над пустой куколкой, когда ее бабочка улетела. Но я неисправимо сентиментальна и до сих пор грущу о старой родине человека.

У меня было замечательно счастливое детство.

Я не только жила на тогда еще юной и прекрасной Земле – мне выпало счастье родиться в одном из прелестнейших ее садов, в южном Миссури, чьи зеленые холмы еще не изуродовали люди и бульдозеры.

И мало того, что я родилась в таком месте, мне еще по-

правителя, награду – отдать ему столько зернышек риса, сколько уместится на шахматной доске, если на первую клетку положить одно зернышко, на вторую – два, на третью четыре и т. д. (т. е. каждый раз удваивать количество зернышек). Но эта прогрессия описывается формулой 2^n , и на последней клетке должно лежать 264 зернышка (т. е. 1152921504606846976), такого количества просто не было в закромах государства.

¹⁷ По теории английского экономиста Томаса Роберта Мальтуса (1766–1834) одним из законов исторического развития является вечное отставание роста средств существования от роста народонаселения. Его теория в свое время вызвала справедливые нарекания за пропаганду войн и эпидемий как одного из средств сдерживания роста населения.

счастливилось родиться дочерью своего отца.

Когда я была еще совсем юной, отец сказал мне:

– Возлюбленная дочь моя, ты – существо глубоко аморальное. Я это знаю, потому что ты – вся в меня: голова у тебя работает в точности как моя. Так вот, чтобы твоя натура не сгубила тебе жизнь, тебе придется выработать свой собственный свод правил и жить по нему.

Я обдумала его слова, и у меня потеплело внутри. Я – существо глубоко аморальное. До чего же хорошо отец меня знает.

– А какие это правила, отец?

– Придется самой выбирать.

– Десять заповедей?

– Ты же понимаешь, что они не годятся. Десять заповедей – это для недоумков. Первые пять направлены исключительно на благо жрецов и сильных мира сего; остальные пять – полуправда, им недостает полноты и точности.

– Тогда скажите, какими они должны быть, эти пять последних заповедей?

– Так и сказал я тебе, лентяйка. Ты найдешь их самостоятельно. – И он внезапно встал, стряхнув меня с колен, так что я чуть не шлепнулась задом на пол. Это была наша постоянная игра. Я должна была успеть спрыгнуть и стать на ноги, иначе отцу засчитывалось очко. – Проанализируй тщательно десять заповедей. И скажи мне, как им следовало бы звучать. А пока что, если я услышу еще раз, что ты огрызаешься, и

мама пришлет тебя ко мне разбираться, положи лучше себе в штанишки хрестоматию Макгаффи.

– Да полно вам, отец.

– А вот увидишь, морковка, увидишь. С наслаждением тебя отшлепаю.

Пустая угроза. Он ни разу не шлепал меня с тех пор, как я достаточно подросла, чтобы понимать, за что меня ругают. Да и раньше никогда не шлепал так сильно, чтобы пострадало заднее место – страдали только чувства.

Материнское наказание – другое дело. Отец представлял собой высшую судебную инстанцию, мать – низшую и среднюю, для чего ей служил персиковый прутик. О-ой!

А отец меня только портил.

У меня было четверо братьев и четверо сестер: Эдвард, 1876 года рождения; Одри – семьдесят восьмого; Агнес – восьмидесятого; Том – восемьдесят первого; в восемьдесят втором родилась я, потом Фрэнк – в восемьдесят четвертом, Бет – в девяносто втором, Люсиль – в девяносто четвертом, Джордж – в девяносто седьмом. И отец тратил на меня больше времени, чем на троих других детей вместе взятых, а то и на четверых. Оглядываясь назад, я не нахожу, что он как-то особенно поддерживал наше общение, но получалось так, что я проводила с отцом больше времени, чем мои братья и сестры.

Две комнаты на первом этаже нашего дома служили отцу

кабинетом и амбулаторией; в свободное время я оттуда не вылезала – меня притягивали отцовские книги. Мать находила, что мне не следует их читать: в медицинских книгах содержится много такого, во что леди просто не должна вникать. Леди не подобает знать таких вещей. Это нескромно.

– Миссис Джонсон, – сказал ей отец, – если в этих книгах есть некоторые неточности, я сам укажу на них Морин. Что касается гораздо более многочисленных и гораздо более важных истин, то я рад, что Морин стремится их познать. «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». Иоанн, глава восьмая, стих тридцать второй.

Мать сердито поджала губы и промолчала. Библия для нее была непререкаемым авторитетом, между тем как отец был атеистом, в чем тогда еще не признавался даже мне. Но Библию он знал лучше матери и все время цитировал из нее подходящий стих, чтобы поставить ее на место, – я считаю, что это исключительно нечестный прием, но нужно же отцу было как-то обороняться. Мать была женщина с характером.

У них с отцом во многом не было согласия, но существовали правила, позволявшие им жить, не портя кровь друг другу. И не только жить, но и делить постель, и производить на свет одного ребенка за другим. Чудеса, да и только.

Думаю, что почти все эти правила исходили от отца. В то время и в том месте считалось непреложной истиной, что глава семьи – муж и жене следует ему повиноваться. Вы не поверите, но тогда даже невеста во время брачного обряда

обещала всегда и во всем повиноваться своему мужу.

Насколько я знаю свою мать (а я ее почти совсем не знаю), она свои обещания держала не больше получаса.

Но они с отцом выработали себе систему компромиссов.

Мать возглавляла дом. Вотчиной отца были кабинет с амбулаторией, амбар, службы и все связанные с ними работы. Все финансовые дела вел отец. Каждый месяц он давал матери деньги на хозяйство, которые она тратила по своему усмотрению, но отец требовал, чтобы она записывала расходы и вела книги, которые он же ежемесячно и проверял.

Завтрак у нас был в семь, обед в полдень, ужин в шесть. Если отец из-за больных не мог вовремя поспеть к столу, он предупреждал об этом мать – по возможности заблаговременно. Но семья садилась за стол в назначенный час.

Если отец присутствовал, он пододвигал матери стул, она благодарила его, он садился, а следом – и все мы. Он читал молитву – утром, днем и вечером. Если отца не было, мать усаживал брат Эдвард, а молитву читала она. Или просила это сделать кого-нибудь из нас, для практики. Потом мы приступали к еде, и дурное поведение за столом приравнивалось чуть ли не к государственной измене. Зато ребенку не приходилось ерзать на стуле и ждать, когда доедят старшие: он мог попросить разрешения и выйти из-за стола. Возвращаться запрещалось, даже если ушедший обнаружил, что совершил ужасную ошибку и забыл про десерт. (Но мать в таких случаях допускала послабление и позволяла торопыге доедать

десерт на кухне, если только он не приставал и не хныкал.)

В тот день, когда старшая сестра Одри перешла в среднюю школу, отец ввел дополнение в протокол. Он, как обычно, пододвинул матери стул, та села и сказала: «Спасибо, доктор». Потом Эдвард, на два года старше Одри, пододвинул стул сестре и усадил ее.

– Что надо сказать, Одри? – спросила мать.

– Я сказала, мама.

– Да, мама, она сказала.

– Я не слышала.

– Спасибо, Эдди.

– Пожалуйста, Од.

Тогда мы все тоже сели.

С тех пор, когда кто-то из нас, сестер, переходил в старшие классы, подходящий по старшинству брат включался в церемонию.

По воскресеньям обед подавался в час, потому что все, кроме отца, ходили в воскресную школу и все, включая отца, посещали утром церковь.

Отец никогда не появлялся на кухне. Мать никогда не заглядывала к нему в кабинет – даже чтобы прибрать там. Уборкой занималась приходящая прислуга, или кто-то из сестер, или я, когда подросла.

Неписанные, но никогда не нарушаемые правила позволяли родителям жить в мире. Знакомые, должно быть, считали их идеальной парой, а про нас говорили: «Какие хорошие у

Джонсонов дети».

Я тоже считаю, что у нас была счастливая семья. Всем было хорошо: и нам, девятерым детям, и нашим родителям. И не думайте, что такая строгая дисциплина делала нашу жизнь тоскливой. Нам жилось очень весело – и дома, и за его стенами.

Мы всегда знали, чем заняться. Должно было пройти много лет, прежде чем американские дети разучились развлекаться без помощи дорогостоящей электронной техники. У нас никакой техники не было, и мы не испытывали в ней нужды. Тогда, около 1890 года, мистер Эдисон уже открыл электричество, а профессор Белл – изобрел телефон, но эти новомодные чудеса не добрались еще до наших Фив в округе Лайл, штат Миссури. А что до электронных игрушек, то даже слова «электрон» еще никто и не слыхивал. Но у братьев были санки и тележки, у нас, девочек, куклы и игрушечные швейные машинки, и много было общих для всех настольных игр: домино, шашки, шахматы, бирюльки, лото, «поросята в клевере», анаграммы...

На воздухе мы тоже играли в игры, которые не требовали, или почти не требовали, снаряжения. У нас в ходу была разновидность бейсбола под названием «скраб», в которой могли участвовать от трех до восемнадцати игроков при добровольном содействии собак, кошек и одной козы.

В хозяйстве имелась и другая живность: лошади, количество которых в иные годы доходило до четырех; гернсей-

ская корова Клитемнестра; куры (обычно красной род-айлендской породы); цесарки, утки (белая домашняя порода), временами кролики, а раз завели свинью по кличке Жвачка. Отец ее продал, когда выяснилось, что мы не хотим есть свинью, которую сами вырастили. Свиней нам держать было не обязательно: отец чаще получал гонорары ветчиной или беконом, нежели деньгами.

Мы все ловили рыбу, а братья еще и охотились. Как только мальчик вырастал достаточно большой, чтобы удержатъ ружье (это бывало лет в десять, как мне помнится), отец начинал учить его стрелять, поначалу из ружья двадцать второго калибра. Учил он братьев и охотиться, но я этого не видела – девочки на охоту не допускались. Я и сама не стремилась туда и наотрез отказывалась обдирать и потрошить кроликов, обычную их добычу. Но научиться стрелять мне хотелось, и я по неосторожности сболтнула об этом при матери. Та вспыхнула, а отец спокойно сказал мне:

– Поговорим после.

И мы сделали это. Примерно год спустя, когда все привыкли, что я иногда езжу с отцом к больным за город, мы без ведома матери укладывали сзади в кабриолет под джутовые мешки одностволку двадцать второго калибра. Я обучалась стрельбе, а главное – тому, как себя не подстрелить, то есть правилам обращения с огнестрельным оружием. Отец был терпеливым учителем, но требовал от ученика старания. Спустя несколько недель он сказал:

– Ну, Морин, если ты запомнила то, чему я тебя научил, это может продлить твои дни – надеюсь. Пистолетом в этом году заниматься не будем – у тебя для него рука недостаточно сильна.

Нам, молодежи, принадлежала вся округа – играй где хочешь. Мы собирали ежевику, дикие грецкие орехи, искали папайю и хурму. Мы отправлялись на долгие прогулки и устраивали пикники. Когда мы подрастали и начинали испытывать еще не изведенное восхитительное томление, то ухаживание, как это тогда называлось, происходило тоже на природе.

В нашей семье всегда отмечались одиннадцать дней рождения, годовщина свадьбы родителей, Рождество, Новый год, Валентинов день, день рождения Вашингтона, Пасха, Четвертое июля (двойной праздник: и День независимости, и мой день рождения), День отпущения десятого августа, где главным событием была ярмарка округа – отец участвовал там в скачках ездовых лошадей, предупреждая своих пациентов, чтобы на этой неделе не болели или обращались к доктору Чедвику. Мы сидели на трибуне и орали до хрипоты, хотя отец редко приходил победителем. Потом шли День Всех Святых и День благодарения, а там, смотришь, и опять Рождество.

Получается целый месяц праздников, каждый из которых отмечался с шумным энтузиазмом.

Были и просто будние вечера, когда мы рассаживались во-

круг обеденного стола, лущили орехи – отец с Эдвардом еле поспевали их колоть, – а мать или Одри читали вслух произведения Кожаного Чулка, «Айвенго» или Диккенса. А еще жарили кукурузу, или делали кукурузные шарики, которые липли к чему попало, или варили тянучку, или собирались вокруг пианино и пели под мамин аккомпанемент – это было лучше всего.

Несколько зим подряд мы каждый вечер состязались в правописании, потому что этим всерьез увлеклась Одри. Она бродила повсюду с учебником Макгаффи и с «Американским орфографическим словарем Уэбстера» под мышкой, шевеля губами с отсутствующим видом. Побеждала всегда она – и мы с Эдвардом соревновались обычно за второе место.

В шестом классе Одри одержала победу на общешкольном конкурсе Фив и на следующий год поехала в Джоплин на окружной конкурс – лишь для того, чтобы проиграть противному мальчишке из Рич-Хилла. Но в средней школе она выиграла окружной конкурс, отправилась в Джефферсон-Сити и завоевала там золотую медаль самой грамотной ученицы штата Миссури. Мать ездила с ней на финальные соревнования и вручение наград – дилижансом до Батлера, поездом до Канзас-Сити и на другом поезде до Джефферсон-Сити. Я бы здорово завидовала Одри – не ее золотой медали, а ее путешествию, – если бы сама в ту пору не собиралась в Чикаго (но это уже другая история).

Дома Одри встречали с духовым оркестром, который обычно играл на ярмарках, – теперь его собрали специально для того, чтобы почтить «Любимую дочь Фив, – как было написано на большом плакате, – Одри Адель Джонсон». Одри плакала. Я тоже.

Мне запомнился один яркий июльский день. «Будет ураган», – сказал отец, и, действительно, в тот день через город прошли три смерча, один совсем рядом с нашим домом.

Мы были вне опасности – отец велел всем спуститься в убежище, как только стемнело, и бережно свел вниз мать – она опять ждала ребенка, кажется, сестренку Бет. Мы сидели там три часа при свете амбарного фонаря, пили лимонад и ели мамины сахарные коржики, сдобные и сытные.

Отец стоял на верхней ступеньке, приподняв дверцу, пока рядом не упал кусок амбара Риттеров. Когда это случилось, мать впервые при детях закричала на него:

– Доктор! Сойдите вниз сейчас же! Я не собираюсь оставаться вдовой из-за того, что вы козыряете своим молодецством!

Отец тут же спустился, закрыв за собой люк.

– Мадам, – сказал он, – ваша логика, как всегда, неопровержима.

Для молодежи нашего возраста устраивались сенокосные прогулки, обычно под необременительным присмотром старших, устраивались катания на коньках на Лебедином пруду и пикники воскресной школы, церковные посиделки с

мороженым и мало ли что еще. Счастье не в хитрых игрушках: смысл счастья в том, что «мужчину и женщину сотворил их»¹⁸ и они здоровы и полны жажды жизни.

В твердой дисциплине, которой мы подчинялись, не было ничего неразумного или обременительного; правил ради самих правил не существовало. Вне круга необходимых обязанностей мы были свободны как птицы.

Старшие дети помогали нянчить младших, четко зная, что от них при этом требуется. У всех нас с шестилетнего возраста были свои обязанности по дому – они записывались за каждым, и их выполнение проверялось. Позднее я и свой выводок (больше, чем был у матери) растила по ее правилам. Они были разумны и хорошо служили ей, а, значит, могли послужить и мне.

Наш распорядок, конечно, не совсем совпадал с материнским – мы ведь жили в несколько иных условиях. Так, главной задачей моих братьев была пила и рубка дров. Моим сыновьям колоть дрова не пришлось, потому что наш дом в Канзас-Сити отапливался котельной на угле. Однако они поддерживали топку, загружали угольную яму (уголь сваливался на мостовой, и приходилось долго и утомительно перетаскивать его ведрами к желобу, ведущему в угольную яму), вычищали золу и выносили ее из подвала.

Были и другие отличия. Моим мальчишкам не нужно было таскать воду для ванн: в Канзас-Сити был водопровод.

¹⁸ Быт. 1: 27. – *Примеч. С. В. Голд.*

Ну и так далее – мои сыновья трудились не меньше моих братьев, только на других работах. Городской дом с газом, электричеством и угольным отоплением не требует таких забот, как деревенский дом «веселых девяностых». В моем отчем доме не было ни водопровода, ни канализации, ни центрального отопления. Освещался он керосиновыми лампами и свечками – и домашнего изготовления, и покупными, – обогревался дровяными печами: большая – в зале, голландка – в докторском кабинете, маленькие печурки – в других комнатах. Наверху печей не было, но теплый воздух проникал туда сквозь решетки в полу.

Наш дом был одним из самых больших в городе и, возможно, самым современным, поскольку отец быстро перенимал все полезные новшества, входившие в обиход. В этом он сознательно подражал мистеру Сэмюэлу Клеменсу¹⁹.

Отец считал его одним из самых умных людей Америки, а возможно, и самым умным. Мистер Клеменс был старше отца на семнадцать лет; отец начал знакомство с Марком Твеном с рассказа о скачущей лягушке из Калавераса и с тех пор читал все его произведения, какие только мог достать.

В тот год, когда я родилась, отец написал мистеру Клеменсу письмо с похвалами по поводу «Пешком по Европе». Мистер Клеменс прислал ему вежливый, полный суховатого юмора ответ; отец вставил его в рамку и повесил на стене в кабинете. С той поры он писал мистеру Клеменсу каждый

¹⁹ Сэмюэл Клеменс – настоящие имя и фамилия писателя Марка Твена.

раз, как выходила его новая книга. Прямым следствием этого стало то, что юная Морин перечла все книги Марка Твена, какие только были изданы, притулившись в уголке отцовского кабинета. Мать подобных книг не читала, считая их вульгарными и пагубно влияющими на добрые нравы. Она была по-своему права: мистер Клеменс определенно был сокрушителем устоев по стандартам всех «правильно мыслящих» людей.

Остается предположить, что мать определяла безнравственные книги по запаху: ведь она в жизни не открыла ни одного труда мистера Клеменса.

Поэтому они хранились в докторском кабинете, там я их и поглощала наравне с другими, которые никогда не появлялись в гостиной. Сюда входили не только медицинские пособия, но и такие пагубные издания, как лекции полковника Роберта Ингерсолла и труды профессора Томаса Генри Гексли²⁰ (эти были лучше всех).

Никогда не забуду дня, когда прочла эссе профессора Гексли «Гадаринские свиньи».

– Отец, – выпалила я вне себя от волнения, – нам же все время лгали!

– Возможно, – согласился он. – Что ты читаешь?

Я сказала.

²⁰ Английский зоолог *Томас Гексли* (1825–1895) был одним из наиболее активных пропагандистов учения Чарльза Дарвина. Своими сравнительно-анатомическими исследованиями он, в частности, доказал морфологическую близость человека и высших обезьян.

– Ну, на сегодня хватит. Профессор Гексли – слишком сильное средство. Давай немного поговорим. Как у тебя дела с десятью заповедями? Разработала окончательный вариант?

– Пожалуй.

– И сколько у тебя теперь заповедей?

– Шестнадцать как будто.

– Многовато.

– Если бы вы позволили мне выкинуть первые пять...

– Не позволю, пока ты живешь в моем доме и ешь за моим столом. Я же хожу в церковь и пою гимны, верно? И даже не сплю на проповеди. Морин, втирать очки своим ближним – это искусство, необходимое для выживания повсюду и во все времена. Давай послушаем твою версию первых пяти заповедей.

– Отец, вы ужасный человек и плохо кончите.

– Нет, я так и буду водить всех за нос. Ну, не тяни – я жду.

– Да, сэр. Заповедь первая: «Богу, в которого верит большинство, поклоняйся публично, не хихикая и даже не улыбаясь при этом».

– Дальше.

– Не сотвори себе кумира и не изображай того, что может вызвать недовольство властей и особенно миссис Гранди²¹ – вот, *exempli gratia*²², почему в вашем анатомическом атласе

²¹ Персонаж пьесы Т. Мортонa (конец XVIII в.), олицетворение ханжеского общественного мнения.

²² Например (*лат.*).

не показан клитор. Миссис Гранди это не понравилось бы – у нее-то его нет.

– Или он у нее величиной с банан, и ей не хочется, чтобы об этом узнали. В цензуре логики нет, но ее, как и раковую опухоль, опасно игнорировать, когда она появляется. Дорогая дочь, вторая заповедь существует лишь для подкрепления первой. Кумиры – это идолы, способные составить конкуренцию официальному Богу. Статуи и гравюры тут ни при чем. Продолжай.

– Не произноси имени Господа Бога твоего всуе, то есть не говори «ах ты, господи» или «ей-богу», и не ругайся, и не произноси некоторых слов, например на букву «ж», и вообще ничего, что маме кажется вульгарным. Отец, тут какая-то чепуха получается. Почему слово «вагина» говорить можно, а слово на букву «п» – нет? Объясни мне.

– Тебе нельзя говорить ни того ни другого слова, молодая особа, разве что в разговоре со мной... а в наших общих беседах мы будем пользоваться латинскими терминами из уважения к моей профессии и к моим сединам. Английский синоним можешь произносить про себя, если хочется.

– Иногда хочется, хотя не могу проанализировать почему. Четвертая...

– Минутку. К третьей добавь следующее: «И не глотай окончания и суффиксы твои. Избегай синтаксических ошибок. Чти благородный английский язык, язык Шекспира, Мильтона и По, и благо будет тебе во все дни жизни твоей».

Кстати, Морин, если я еще раз услышу от тебя «другое, что», то буду долго бить тебя по голове связкой предлогов.

– Отец, я же нечаянно! Я хотела сказать...

– Принято. Послушаем четвертую заповедь.

– Заповедь номер четыре. По воскресеньям посещай церковь. Улыбайся и будь приветлива, но не строй из себя святошу. Не разрешай своим детям, когда (и если) они у тебя будут, играть по воскресеньям перед домом или слишком шуметь, играя на заднем дворе. Помогай церкви делом и деньгами, но не выставляй этого напоказ.

– Хорошо сказано, Морин. Ты еще станешь женой проповедника.

– О господи, отец, да я, скорее, в шлюхи пойду!

– Одно другому не мешает. *Continuez, ma chere enfant*²³.

– *Mais oui, mon cher papa*²⁴. Чти отца твоего и мать твою там, где всякий может видеть тебя. Но, оставив их дом, живи своей жизнью. Не позволяй им помыкать тобой. *Mon papa*, вы сами так говорили... но мне это не очень нравится. Я почитаю вас, потому что сама так хочу. И ничего не имею против мамы – просто мы с ней поем в разном ключе. Но я ей благодарна.

– Избегай благодарности, дорогая, она только портит желудок. Когда ты будешь замужем, а я умру, пригласишь ты Адель к себе жить?

²³ Продолжай, дитя мое (*фр.*).

²⁴ Да, дорогой папа (*фр.*).

– Ну-у... – Я замолчала, не в силах ответить.

– Подумай об этом. Подумай как следует, загодя... потому что решение, принятое второпях над моей свежей могилой, будет заведомо ошибочное. Далее.

– Не убий. То есть не совершай уголовного преступления. Есть разные другие виды убийства, и каждый требует анализа... Я еще работаю над этим, отец.

– Я тоже. Запомни только, что тот, кто ест мясо, ничем не отличается от мясника.

– Да, сэр. Не допусти, чтобы тебя застигли за прелюбодеянием... то есть не забеременей, не подцепи дурную болезнь, не позволяй миссис Гранди даже и заподозрить тебя, а главное – не допусти, чтобы узнал твой супруг: он будет очень несчастен... и может с тобой развестись. Отец, я не уверена, что когда-нибудь захочу совершить прелюбодеяние... Если бы Бог хотел, чтобы у женщины было больше одного мужчины, он сотворил бы побольше мужчин – а то их и так едва хватает.

– Если бы кто хотел? Не расслышал.

– Я сказала «Бог», но вы ведь понимаете, что я имею в виду!

– Как не понять. В теологию ударилась – мне было бы легче, если б ты стала морфинисткой. Морин, когда кто-нибудь начинает говорить о «Божьей воле», или о том, чего хочет Бог, или о том, чего хочет природа, если боится сказать «Бог», я сразу вижу, что этот человек намерен кого-то на-

дуть... Или хочет надуть самого себя, как в твоём случае. Выводить моральный закон из того факта, что особой мужского и женского пола рождается примерно поровну, значит высасывать его из пальца. Это столь же скользко, как «Post hoc, propter hoc»²⁵.

Что же до твоей уверенности в том, что ты не поддашься искушению, то у тебя еще молоко на губах не обсохло и только год как начались менструации... а ты полагаешь, что знаешь все о сексе и его опасностях... как испокон веку полагали все девчонки твоего возраста. Что ж, дерзай. Сожги свои корабли. Разбей сердце своему мужу и растопчи его гордость. Покрой позором своих детей. Стань предметом сплетен всего города. Пусть у тебя загнойтся трубы, и пусть какой-нибудь мясник вырежет их тебе в грязной каморке без наркоза. Дерзай, Морин. Отдай все за любовь. Ибо это и есть цена бесшабашного прелюбодеяния: ты отдаешь все и сходишь в могилу, а твои дети никогда не называют твоего имени.

– Но ведь я и говорю, отец, что прелюбодеяния надо избегать: оно слишком опасно. И думаю, у меня получится. – Я улыбнулась и продекламировала: – «Мисс Уайд уже лет тридцать шесть...»

– «...Бережет свою девичью честь», – подхватил отец, —

²⁵ «После этого – следовательно, вследствие этого» – пример распространенной логической ошибки (*лат.*).

Помня о Боге,
О детях в итоге
И о том, что инфекций не счесть.

Знаю – я сам научил тебя этому лимерику. Но ты не упомянула о самом безопасном методе прелюбодеяния. А ведь ты должна его знать: я говорил тебе о нем в тот раз, когда пытался познакомить тебя со статистикой супружеских измен в нашем округе.

– Наверное, я это пропустила мимо ушей, отец.

– Я точно говорил об этом. Так вот, когда тебе захочется – а такое может случиться, – расскажи обо всем мужу, спроси у него разрешения, уговори его помочь, попроси посторожить тебя.

– А, да! Вы говорили, что в нашем округе есть две такие пары, но я так и не поняла, кто они.

– Я и не хотел, чтобы ты поняла, поэтому и подбросил парочку ложных улик.

– Я учла это, сэр, зная вас. Но все-таки не догадалась. Отец, это выглядит как-то некрасиво. И разве мой муж не разозлится?

– Спрос не беда. Он может заехать тебе в глаз, но развиться с тобой не станет. А по здравому размышлению как-нибудь поможет тебе, поняв, что, если он скажет «нет», будет еще хуже. А там, глядишь, – с гнусной ухмылкой добавил отец, – ему и самому понравится его новая роль.

– Отец, вы меня шокируете.

– Ничего, привыкнешь. Снисходительные мужья – обычное явление. В замочную скважину все любят подсматривать, особенно мужчины, да и женщины не исключение. Муж может охотно согласиться тебе помочь, потому что ты месяц назад так же помогла ему. Прикрывала его интрижку с молодой учительницей и врала, как дипломат, в его защиту. Следующая заповедь.

– погоди минутку! Я хотела бы еще поговорить о прелюбодеянии.

– А вот этого как раз и нельзя. Обдумай все как следует, но ничего не говори мне хотя бы две недели. Дальше.

– Не укради. Эту заповедь я оставила без изменений, отец.

– Ты могла бы украсть, чтобы накормить ребенка?

– Э-э-э... Да.

– Подумай, какие еще могут быть исключения; через год-другой мы это обсудим. Правило, в общем-то, хорошее. Но почему бы, собственно, и не красть? Ты умна, могла бы всю жизнь воровать и ни разу не попасться. Почему же ты не ворует?

– Ну-у...

– Не мямли.

– Отец, вы меня просто из себя выводите! Не ворую, потому что слишком гордая!

– Вот! Совершенно верно. По той же причине ты не жульничаешь ни в школе, ни в играх. Гордость. То, как ты се-

бя оцениваешь. «Но главное, будь верен сам себе; тогда, как
вслед за днем бывает ночь...»

– «...Ты не изменишь и другим»²⁶. Да, сэр.

– Но ты проглотила букву «р» в причастии. Повтори еще
раз, но произнеси правильно: ты не крадешь, потому что...

– Я слишком... просто *омерзительно*... горда!

– Хорошо. Если ты собой гордишься – это наилучшая
гарантия правильного поведения. Слишком горда, чтобы
красть, слишком горда, чтобы жульничать, слишком горда,
чтобы отнимать леденцы у ребятишек или исподтишка пор-
тить воздух. Моральный кодекс любого племени, Морин, ос-
нован на идее выживания этого племени... но если взять от-
дельного человека, то в трудных ситуациях его поведением
управляет гордость, а не стремление к личному выживанию.
Вот почему капитан идет на дно вместе со своим кораблем;
вот почему гвардия умирает, но не сдается. Человеку, кото-
рому не за что умирать, незачем и жить. Следующая запо-
ведь.

– У, рабовладелец! Не лжесвидетельствуй на ближнего
своего. Пока вы меня не испортили...

– Кто тут кого испортил? Я – образец высоконравствен-
ного поведения, потому что знаю, с какой целью веду себя
так, а не иначе. Когда я взялся за тебя, у тебя вообще не бы-
ло никакой морали, а твое поведение отличалось наивным

²⁶ У. Шекспир. Гамлет. Акт 1, сцена 3, перевод М. Лозинского. – *Примеч.*
С. В. Голд.

бесстыдством, как у котенка, который старается зарыть свою лужу на голом полу.

– Да, сэр. Итак, пока вы не испортили меня, я думала, что девятая заповедь означает «не лги». Но она означает всего лишь, что если тебя вызывают свидетелем в суд, то там надо говорить правду.

– Она означает не только это.

– Да. Вы говорили уже, что она – лишь частный случай более общей теоремы. Я думаю, эта теорема звучит так: «Не лги, если это может повредить другим людям...»

– В общем, верно.

– Я еще не закончила, отец.

– О, прошу прощения. Продолжай, пожалуйста.

– Я сказала «не лги, если это может повредить другим людям», но хотела добавить: «а поскольку нельзя угадать заранее, какой вред может причинить твоя ложь, то единственный выход – не лгать совсем».

Отец молчал довольно долго и наконец сказал:

– Морин, с этим нам за один день не управиться. Лучше иметь дело с вором, чем со лжецом... но я предпочел бы лжеца человеку, который самовлюбленно гордится тем, что всегда говорит правду, всю правду, и не важно, куда щепки летят – кто пострадает, чья невинная жизнь будет загублена. Морин, тот, кто гордится тем, что всегда режет правду-матку, – это садист, а не святой. Есть много разновидностей лжи, неправды, обмана, неточности и так далее. Чтобы немного

размять мышцы твоего мозга...

– В мозгу нет мышц.

– Умница. Не учи деда овец воровать. В твоём мозгу их действительно нет, что я и пытаюсь исправить. Попробуй систематизировать разные виды неправды. А сделав это, попытайся определить, когда и где они допустимы с точки зрения морали, если вообще допустимы, а если недопустимы, то почему. Это займет тебя на ближайшие год-полтора.

– О, как вы добры, отец!

– Без сарказма, не то всыплю. Предварительные результаты представишь через месяц-другой.

– Да будет воля твоя. Папа, один пункт у меня уже есть: «Не лги матери, иначе тебе вымоют рот щелочным мылом».

– Поправка: «Не позволяй матери уличить тебя во лжи». Если бы ты выкладывала ей начистоту все, о чем мы с тобой говорим, мне пришлось бы уйти из дому. Если ты застукаешь Одри в объятиях того отвратительного щенка, с которым она гуляет, ты скажешь матери?

Отец застал меня врасплох. Я действительно их видела... причем подозревала, что они не просто нежничают, и это меня беспокоило.

– Ничего я не скажу!

– Хороший ответ. Ну а мне скажешь? Ты же знаешь, что я не разделяю пуританских взглядов твоей матери на секс, и знаешь, надеюсь, что все, сказанное тобой, используется не для того, чтобы наказать Одри, а чтобы ей помочь. Так что

же ты скажешь отцу?

Я почувствовала, что меня загнали в ловушку – я разрывалась между любовью к отцу и верностью сестре, которая всегда помогала мне и была ко мне добра.

– Я... Ни шиша я вам не скажу!

– Bravo! Ты взяла барьер, даже не задев верхнюю планку. Правильно, радость моя: мы не разносим слухов, не докладываем о чужих грехах. Только не говори «ни шиша». Если уж очень надо, скажи «ни черта».

– Да, сэр. Ни черта я вам не скажу про Одри и ее молодого человека. – (Но если Ты есть, Господи, то сделай так, чтобы моя сестра не забеременела: у матери начнутся припадки, она будет молиться за нее, и все будет ужасно. Да свершится воля Твоя – но так, как надо. Морин Джонсон. Аминь.)

– Давай побыстрее разберемся с десятой и перейдем к тем, которые Моисей не потруился снести с горы. Те десять для тебя, похоже, не проблема. Желала ты что-нибудь или кого-нибудь в последнее время?

– Не думаю. Почему сказано, что нельзя желать жену ближнего, и ничего не сказано про мужа? Иегова недоглядел? Или в ту пору сезон охоты на мужей был открыт?

– Не знаю, Морин. Сдается мне, что некоторые древние евреи были просто слишком самонадеянны и не могли себе представить, как это их женам захочется взбрыкнуть налево, когда у них дома такие героические мужи. Ветхий Завет ставит женщин не слишком высоко; начинается все с того, что

Адам свалил всю вину на праматерь Еву, а дальше идет все хуже и хуже. Однако у нас в округе Лайл, штат Миссури, заповедь распространяется и на мужей, и если чья-нибудь жена приметит, что ты строишь глазки ее мужу, она тебе твои зеленые глазки может выцарапать.

– А я не собираюсь дать ей приметить. Но если наоборот? Если это он желает меня... ну, или мне так кажется? Если он щиплет меня за задницу?

– Ну-ну. Кто это, Морин? Кто он такой?

– Гипотетический случай, *mon cher père*²⁷.

– Очень хорошо. Если он гипотетически сделает это опять, ты гипотетически можешь выбрать несколько гипотетических вариантов. Можешь гипотетически игнорировать его, можешь гипотетически притвориться, что твоя левая ягодичная мышца страдает нечувствительностью... или он левша?

– Не знаю.

– А можешь гипотетически прошептать: «Не здесь. Встретимся после службы».

– Отец!

– Сама начала. Или, если хочешь, можешь гипотетически предостеречь его, что еще один гипотетический щипок – и он будет иметь дело с твоим гипотетическим отцом, у которого есть и гипотетический хлыст, и гипотетический дробовик. Можешь сказать это так, чтобы слышал только он,

²⁷ Мой дорогой отец (*фр.*).

или завопить так, чтобы слышала вся паства и его гипотетическая жена. Выбор за леди. Погоди-ка. Ты сказала «чей-то муж», не так ли?

– Я ничего не говорила. Но гипотетический случай, пожалуй, подразумевает это.

– Морин, щипок за задницу – это выражение определенного намерения. При поощрении с твоей стороны отсюда лишь три коротких шага до совокупления. Ты еще молода, но физически ты – зрелая женщина, способная забеременеть. Намерена ли ты в ближайшее время стать женщиной по-настоящему?

3

Змей-искуситель

Вопрос отца относительно того, не собираюсь ли я расстаться со своей девственностью, задел меня за живое, поскольку я вот уже несколько недель ни о чем другом не думала. А возможно, и несколько месяцев. Поэтому я ответила:

– Конечно нет! Как вы могли такое подумать, отец?

– До свидания.

– Сэр?

– Я думал, что мы уже излечились от бессмысленного вранья. Однако вижу, что нет, так что не будем впустую тратить мое время. Возвращайся, когда будешь настроена поговорить серьезно. – Отец повернул стул к своему письменному столу и поднял крышку бюро.

– Отец...

– Как, ты еще здесь?

– Ну пожалуйста, сэр. Я все время об этом думаю.

– О чем?

– Ну об этом. О девственности. О потере невинности.

Он сердито глянул на меня:

– В медицине это называется «дефлорация», как тебе известно. «Невинность» – слово из списка английских синонимов, хотя оно и не ругательное, как более короткие слова.

И не надо говорить о какой-то «потере», наоборот, ты приобретаешь то, что принадлежит тебе по праву рождения, достигаешь высшей стадии функционально зрелой женщины, которую может дать тебе твое биологическое наследие.

Я обдумала его слова:

– Отец, у вас это звучит так заманчиво, что я прямо сейчас побегу искать кого-нибудь, кто поможет мне разорвать девственную плеву. Прямо сейчас. С вашего позволения... – И я привстала с места.

– Ого! А ну, сядь! Если таково твое намерение, то десять минут можно и подождать. Морин, будь ты телкой, я счел бы тебя готовой к вязке. Но ты девушка и собираешься войти в мир людей, мужчин и женщин, который устроен сложно, а порой и жестоко. Думаю, тебе лучше подождать годок-другой. Ты могла бы даже под венец пойти девственницей – хотя я и знаю, как врач, что в наше время это не так часто встречается. Скажи-ка мне одиннадцатую заповедь.

– Не попадайся.

– А где у меня лежат «французские мешочки»?²⁸

– В нижнем правом ящике стола, а ключ – на верхней левой полочке, сзади.

Произошло это не в тот день и не на той неделе. И даже не в том месяце, но не так уж много месяцев спустя.

²⁸ И это выражение, и упоминаемая ниже «веселая вдова» – жаргонные названия презерватива.

Это произошло в десять часов утра благодатного дня первой недели июня 1897 года, ровно за четыре недели до моего пятнадцатилетия. Выбранным мною для этого местом стала судейская ложа на беговом поле ярмарки, с попоной, постеленной на голые доски пола. Я знала эту ложу, потому что не раз сидела в ней морозными утрами, устремив глаза на финишную черту и держа в руке увесистый секундомер, пока отец тренировал свою лошадку. В первый раз мне было шесть лет и пришлось держать секундомер обеими руками. В тот год отец купил Бездельника, вороного жеребца от того же производителя, что и Мод С., – но, к несчастью, не такого резвого, как его знаменитая сводная сестра.

В июне 1897-го я пришла туда подготовленной, полной решимости свершить задуманное, имея в сумочке презерватив («французский мешочек») и гигиеническую салфетку – самодельную, как и все они в то время. Я знала о возможности кровотечения, и в случае чего нужно было убедить мать, что у меня просто началось на три дня раньше.

Моим соучастником в «преступлении» был одноклассник по имени Чак Перкинс, на год старше меня и почти на целый фут выше. У нас с ним не было даже детской любви, но мы притворялись, что влюблены (может, он и не притворялся, но откуда мне было знать?), и усиленно старались совратить друг друга весь учебный год. Чак был первый мужчина (мальчишка), целуясь с которым я впервые открыла рот и вывела отсюда следующую заповедь: «Открывай рот свой,

лишь если готова открыть чресла свои», – потому что мне очень понравилось так целоваться.

Ах, как понравилось! Целоваться с Чаком было одно удовольствие: он не курил, хорошо чистил зубы, и они были такими же здоровыми, как у меня, и его язык так сладостно касался моего. Позднее я (слишком часто!) встречала мужчин, которые не заботились о свежести своего рта и дыхания... и не открывала им своего. И остального тоже не открывала.

Я и по сей день убеждена, что поцелуи с языком более интимны, чем соитие.

Готовясь к решающему свиданию, я следовала также своей четырнадцатой заповеди: «Блюда в чистоте тайные места свои, дабы не испускать зловония в храме Божьем», – а мой развратник-отец добавил: «...и дабы удержать любовь мужа своего, когда подцепишь он его». Я сказала, что это само собой разумеется.

Соблюдать чистоту, когда в доме нет водопровода, зато повсюду кишит ребятня, – дело нелегкое. Но с тех пор, как отец предостерег меня несколько лет назад, я изыскала свои способы. Например, мылась потихоньку в отцовской амбулатории, заперев дверь на ключ. В мои обязанности входило приносить туда кувшин горячей воды утром и после ланча и пополнять запас, если необходимо. Так что я могла помыться без ведома матери. Мать говорила, что чистота сродни благочестию, – но мне нисколько не хотелось, чтобы она увидела, что я скребу себя там, где стыдно трогать: мать не одоб-

ряла слишком тщательного омовения «этих мест», поскольку это ведет к «нескромному поведению». (Еще как ведет!)

На ярмарочном поле мы завели запряженную в кабриолет лошадку Чака в один из больших пустых сараев, привесив ей к морде сумку с овсом для полного счастья, а сами забрались в судейскую ложу. Я показывала дорогу – сначала по задней лестнице, потом по приставной лесенке на крышу трибуны и через люк – в ложу. Я подоткнула юбки и взбиралась по лесенке впереди Чака, упиваясь тем, какое скандальное зрелище собой представляю. О, Чак и раньше видел мои ноги – но мужчинам ведь всегда нравится подглядывать.

Забравшись внутрь, я велела Чаку закрыть люк и надвинуть на него тяжелый ящик с грузами, используемыми на скачках.

– Теперь до нас никто не доберется, – ликующе сказала я, доставая из тайника ключ и отпирая висячий замок на шкафчике в ложе.

– Но нас же видно, Мо. Впереди-то открыто.

– Кто на тебя будет смотреть? Не становись только перед судейской скамьей, вот и все. Если тебе никого не видно, то и тебя никто не видит.

– Мо, а ты уверена, что хочешь?

– Зачем же мы тогда сюда пришли? Ну-ка, помоги мне разостлать попону. Сложим ее вдвое. Судьи стелят ее на скамейку, чтобы защитить свои нежные задницы, а мы постелим, чтобы защитить от заноз мою нежную спину и твои ко-

ленки.

Чак все время молчал, пока мы стелили свою «постель». Я выпрямилась и посмотрела на него. Он мало походил на мужчину, жаждущего соединиться с предметом своих давних желаний, – скорее, на испуганного мальчишку.

– Чарльз, а ты-то уверен, что хочешь?

Чарльз ни в чем не был уверен.

– Среди бела дня, Мо... – проямлил он, – и место такое людное. Не могли бы мы разве найти тихое местечко на Осейдже?

– Да уж – где клещи, и москиты, и мальчишки охотятся на мускусных крыс. Чтобы нас накрыли в самый интересный момент? Нет уж, спасибо, сэр. Чарльз, дорогой, мы ведь договорились. Я, конечно, не хочу тебя торопить. Может быть, отменим поездку в Батлер? – (Я отпросилась у родителей съездить с Чаком будто бы в Батлер за покупками – Батлер был немногим больше Фив, магазины были гораздо лучше. Торговый дом Беннета – Уилера был раз в шесть больше нашего универмага. У них даже парижские модели продавались, если верить их объявлению.)

– Ну, если тебе не хочется туда ехать, Мо...

– Тогда не завезешь ли ты меня к Ричарду Хайзеру? Мне надо с ним поговорить. – (Я улыбаюсь и мило щебечу, Чак, хотя мне хотелось бы отходить тебя бейсбольной битой.)

– Что-то не так, Мо?

– И да и нет. Ты же знаешь, зачем мы сюда пришли. Ес-

ли тебе моя вишенка не нужна, может быть, Ричард не откажется – он мне намекал, что не прочь. Я ничего ему не обещала... но сказала, что подумаю. – Я бросила взгляд на Чака и потупилась. – Подумала и решила, что хочу тебя... с тех самых пор, как ты водил меня на колокольню, – помнишь, на школьном пасхальном вечере? Но если ты передумал, Чарльз... то я все-таки не хочу, чтобы солнце зашло надо мной, как над девственницей. Так как, завезешь меня к Ричарду?

Жестоко? Как сказать. Ведь через несколько минут я исполнила то, что обещала Чаку. Но мужчины такие робкие – не то что мы; иного не расшевелишь, не заставив напрямую соперничать с другим самцом. Это даже кошки знают. («Робкие» не значит «трусы». Мужчина – тот, кого я считаю мужчиной, – может спокойно смотреть в лицо смерти. Но возможность попасть в смешное положение, быть застигнутым во время полового акта его замораживает до мозга костей.)

– Ничего я не передумал! – вскинулся Чарльз, теперь он был настроен весьма решительно.

Я одалила его самой солнечной своей улыбкой и раскрыла ему объятия:

– Тогда иди ко мне и поцелуй меня так, как тебе хочется!

Он поцеловал, и мы оба снова загорелись (а то его увертки и опасения охладили было и меня). Тогда я не слыхала еще слова «оргазм» – не думаю, что оно было известно в 1897 году, – но по некоторым своим экспериментам знала, что ино-

гда внутри получается что-то вроде фейерверка. К концу нашего поцелуя я ощутила, что близка к этому моменту, и отвела губы ровно настолько, чтобы прошептать:

– Я сниму с себя все, дорогой Чарльз, если хочешь.

– Ух ты! Конечно!

– Ладно. Хочешь раздеть меня?

Он раздевал меня или пытался это сделать, пока я расстегивала перед ним все свои пуговики, крючочки и завязочки. Вскоре я была уже голая, как лягушка, и готова вспыхнуть, как факел. Я приняла позу, которую долго репетировала, и у Чарльза перехватило дыхание, а у меня восхитительно защекотало внутри.

Потом, прижавшись к Чаку, я стала расстегивать его застёжки. Он застеснялся, и я не слишком напирала, однако заставила его снять брюки и кальсоны, положила их на ящик, загораживавший люк, поверх своих одежек, и опустилась на попону:

– Чарльз...

– Иду!

– А у тебя есть предохранитель?

– Что?

– Ну, «веселая вдова».

– О. Как же я ее куплю, Мо? Мне ведь всего шестнадцать, а папаша Грин – единственный, кто их продает. И он продает их только женатым или кому уже есть двадцать один. – Бедняжка совсем расстроился.

– А мы с тобой не женаты, – спокойно сказала я, – и не хотим жениться, как пришлось Джо и Амелии, – мою мать удар бы хватил. Но ты не горюй – подай мне мою сумочку.

Он подал, и я достала припасенный презерватив:

– Иногда полезно быть докторской дочкой, Чак. Я стащила его, когда прибирала у отца в кабинете. Посмотрим, подойдет ли. – (Я хотела проверить еще кое-что. Усиленно хлопоча в последнее время о чистоте собственного тела, я стала очень придирчиво относиться и к опрятности других. Некоторым моим одноклассникам и одноклассницам очень пригодился бы совет моего отца и побольше горячей мыльной воды.)

(Теперь я – настоящая декадентка. Лучшее в Бундоке, после его замечательных обычаев, – это великолепная сантехника!)

Чак был чистый, и от него хорошо пахло, – наверное, недавно он помылся так же усердно, как и я. Тянуло слегка мужским запахом, но свежим – даже в те годы я понимала разницу.

Мне стало легко и весело. Как мило со стороны Чака предоставить мне такую ухоженную игрушку!

Предмет моего внимания находился всего в паре дюймов от моего лица, и я вдруг нагнула голову и поцеловала его.

– Эй! – чуть не завопил Чак.

– Я тебя шокировала, дорогой? Он такой милый и славный, что мне захотелось его поцеловать. Я не хотела тебя

смущать. – (Хоть и не прочь была выяснить, что тебя смущает, а что нет).

– Ты меня не шокировала. Мне... мне понравилось.

– Ей-богу?

– Да!

– Хорошо.

Я подождала, пока он будет совсем готов и сказала:

– Теперь возьми меня, Чарльз.

При всей моей неловкости и неопытности мне все же пришлось направлять его – я делала это осторожно, поскольку уже уязвила однажды его гордость. Чарльз был еще неискушеннее, чем я. Свои познания о сексе он черпал, должно быть, в парикмахерской, в бильярдной и за сараем, из открытий невежественных холостяков, – меня же учил старый мудрый врач, любивший меня и желавший мне счастья.

В сумочке у меня было еще одно патентованное средство – вазелин, которое при необходимости можно было использовать. Необходимости не возникло – я была скользкая, точно вареное льняное семя. И все же:

– Чарльз! Дорогой! Осторожней, пожалуйста! Не так быстро.

– В первый раз надо быстро, Мо. Тебе будет не так больно. Это все знают.

– Чарльз, я не все. Я – это я. Делай это медленно, и мне совсем не будет больно – я так думаю.

Мне, возбужденной и взволнованной, хотелось, чтобы Чак проник в меня поглубже, но он и в самом деле оказался больше, чем я ожидала. По-настоящему больно мне не было, но я знала, что будет очень больно, если мы поторопимся.

Милый мой Чарльз сосредоточился и придерживал себя. Я закусила губу и подалась ему навстречу – еще и еще. Наконец он твердо уперся в меня и погрузился внутрь. Я расслабилась и улыбнулась ему:

– Ну вот! Превосходно, дорогой. А теперь делай все, что хочешь.

Но я слишком долго тянула. Чак усмехнулся, я ощутила несколько быстрых содроганий, он перестал улыбаться и погрузился. Он кончил.

Итак, для Морин фейерверк на первый раз не состоялся – да и для Чарльза тоже. Но я не слишком разочаровалась – ведь главная моя цель осуществилась: я перестала быть девственницей. Взяв себе на заметку спросить у отца, как можно продлить этот процесс, – я была уверена, что добилась бы фейерверка, продержись мы чуть подольше, – я больше не думала об этом, счастливая тем, чего достигла.

То, что произошло дальше, вошло у меня в обычай и служило мне всю последующую жизнь. Я улыбнулась Чаку и сказала нежно:

– Спасибо, Чарльз. Ты был великолепен.

(Мужчины не ждут, что их за это будут благодарить, но

в этот момент готовы поверить любому комплименту... особенно если не заслужили его и смущенно это сознают. Благодарность и комплимент – это вклад, который ничего вам не стоит, зато приносит высокие дивиденды. Верьте мне, сестры мои!)

– Ей-богу, Морин, ты прелесть.

– Ты тоже, милый Чарльз. – Я крепко обняла его руками и ногами и отпустила. – Давай-ка вставать. На полу жестко, несмотря на попону.

По дороге в Батлер мой Чарльз совсем скис и не тянул на галантного донжуана, только что избавившего девицу от ее бесполезного сокровища. Я впервые столкнулась с *tristess*²⁹, которую некоторые мужчины испытывают после соития... в то время как сама пенилась от счастья. Меня не волновало больше то, что я не испытала экстаза, – а может, испытала? А если такой «фейерверк» можно вызвать только самой у себя? Морин успешно справилась с задачей, чувствовала себя очень взрослой, сидела гордая и радовалась прекрасному дню. Боли я не ощущала – почти совсем.

Мне кажется, секс бывает порой немилостив к мужчинам. Им очень даже есть что терять, а мы часто не оставляем мужчинам выбора. Взять хотя бы странный случай с моим внуком, с которым так круто обошлись судьба и его первая жена.

²⁹ Грусть (*фр.*).

Этот случай касается и нашего кота Пикселя – в ту пору он был еще котенок, пушистый пискливый комочек.

Мой внук полковник Кэмпбелл – сын моего сына Вудро, который также является моим мужем Теодором, но пусть вас это не волнует: и Вудро, и Теодор (Лазарус Лонг³⁰) – нечто особенное в любой вселенной. Не забыть рассказать вам, как Лазарус однажды сделал беременными сразу троих – бабушку, дочку и внуку, – из-за чего ему пришлось идти на разные ухищрения с Корпусом времени, чтобы не нарушать свою личную первую заповедь: «Никогда не бросай беременную женщину без поддержки».

Поскольку Лазарус осеменил этих троих в разные века и в разных вселенных, это отняло у него довольно много времени.

Сам того не ведая, Лазарус нарушил свою первую заповедь по отношению к матери моего внука, и косвенным следствием этого упущения стала женитьба внука на моей брачной сестре Хейзел Стоун, которую мы по этому случаю отпустили из семьи. Как вам известно (если известно), Хейзел нужно было выйти за Колина Кэмпбелла, чтобы они вдвоем могли спасти Майкрофта Холмса IV – компьютер, осуществивший Лунную революцию³¹ в Третьей временной линии,

³⁰ Один из любимых персонажей Хайнлайна. Он встречается в таких произведениях, как «Дети Мафусаила», «Достаточно времени для любви», «Число Звезда», «Кот, который ходил сквозь стены».

³¹ Лунная революция, в конце которой гибнет упомянутый компьютер, описана в романе «Луна – суровая госпожа» (1966), а история Хейзел и Колина Кем-

код «Нил Армстронг». Не будем вдаваться в подробности: это можно найти в «Галактической энциклопедии» и прочих изданиях.

«Операция прошла успешно, но пациент скончался». В нашем случае было почти то же самое. Компьютер был спасен и поныне живет и здравствует в Бундоке. Весь спасательный отряд тоже удалился без единой царапины – кроме Колина, Хейзел и котенка Пикселя. Эти трое, все израненные, остались умирать в пещере на Луне.

Должна сделать еще одно отступление. В том спасательном отряде была молодая женщина-офицер, Гретхен Хендерсон³², прапраправнучка моей брачной сестры Хейзел Стоун. За четыре месяца до рейда Гретхен родила мальчика, и мой внук об этом знал.

Не знал он того, что он – отец сына Гретхен.

Да и откуда? Ведь он ни разу не был близок с Гретхен и точно знал, что не оставлял свою сперму ни в одном донорском банке.

Однако Хейзел перед смертью твердо сказала ему, что ребенок Гретхен – его сын.

Он спросил, каким это образом, и она ответила: «Пара-

пбелла – в романе «Кот, который ходил сквозь стены» (1985). Там же впервые появляется кот Пиксель.

³² Гретхен Хендерсон – дочь Джинкса и Ингрид Хендерсон из компании «Счастливым шанс» (см. «Кот, который ходил сквозь стены»). – *Примеч. С. В. Голд.*

докс».

Кто-кто, а Колин понимал, что такое временной парадокс. Он служил в Корпусе времени, не раз бывал во временных петлях и знал, что в такой петле можно подойти к самому себе сзади и укусить себя за шею.

Поэтому он понял, что сделает Гретхен ребенка где-то в своем будущем, но в ее прошлом – парадокс перевернутой петли.

Значит, на Бога надейся, а сам не плошай. Это могло бы случиться лишь в том случае, если бы он пережил эту переделку.

И вскоре всех троих спасли. Колин положил еще немало народу и был ранен еще дважды, но вся троица осталась жива. Их перебросили на две тысячи лет в будущее к лучшим врачам всех вселенных – к Иштар и ее команде. Моя брачная сестра Иштар³³ никому не даст умереть – было бы тело еще теплое и мозг не поврежден. Но с этими тремя ей пришлось повозиться, особенно с Пикселем. Кроху несколько месяцев держали при нуле целых трех десятых градуса по шкале Кельвина, а тем временем из другой вселенной доставили доктора Боун³⁴, и дюжина лучших хирургов Иштар, включая ее самое, прошла ускоренный курс кошачьей фи-

³³ Первоначально – медик реювенальной клиники, лечившая Лазаруса после попытки самоубийства (см. «Достаточно времени для любви»). – *Примеч. С. В. Голд*.

³⁴ Упоминается в романе «Число Зверя» в числе прочих гостей съезда (см. гл. 48). – *Примеч. С. В. Голд*.

зиологии, терапии, хирургии и тому подобного. Потом Пикселя перевели на режим обычной гипотермии, восстановили его, разморозили и разбудили. Так что ныне он – здоровяк-котище, гуляет сам по себе и плодит котят, где придется.

Хейзел между тем создала нужную петлю времени, и Колин встретил, обольстил, повалил и обрюхатил Гретхен, чуть помоложе той, которую знал. Она родила сына, а потом (по своему личному времени) вместе с Хейзел и Колином отправилась спасать Майкрофта Холмса.

Но зачем было тратить столько усилий ради котенка? Не лучше ли было его усыпить, чтобы не мучился?

А вот зачем: без Пикселя и его способности проходить сквозь стены Майкрофта Холмса не спасли бы, весь отряд рейдеров погиб, и будущее всего человеческого рода оказалось бы под угрозой. Шансы распределялись так ровно, что в половине вариантов отряд погибал, а в половине достигал своей цели. Чашу перетянул котенок весом в несколько унций, предупредивший отряд об опасности единственным словом, которое умел говорить: «*Блор-р!*»

На обратном пути из Батлера Чарльз оправился от своей посткоитальной депрессии и захотел повторить опыт. Я тоже была не прочь – только не сегодня. После езды в грязной двуколке то, на чем я сидела, стало беспокоить меня. Но Чарльзу загорелось выйти на бис прямо сейчас.

– Мо, там, впереди, есть местечко, где можно свернуть с

дороги и спрятать двуколку. Надежно на все сто.

– Нет, Чак.

– Почему?

– Не на все сто; туда может еще кто-нибудь свернуть. Мы и так уже опаздываем, а мне сегодня не хочется отвечать на вопросы. Не такой это день. И у нас больше нет «веселой вдовы», – это решает дело: я хочу иметь детей, но не в пятнадцать лет.

– А-а.

– Вот-вот. Потерпи, дорогой, и мы это сделаем снова... в другой раз, приняв все нужные меры, о которых ты, несомненно, позаботишься. А теперь убери, пожалуйста, руку: навстречу кто-то едет – видишь пыль?

Мать не ругала меня за получасовое опоздание, но и не настаивала, когда Чарльз отказался от предложенного лимонада, сказав, что ему нужно отвести Неда (его мерина) домой, вычистить его и обтереть двуколку, потому что она может понадобиться родителям. (Уж очень сложная ложь – убеждена, что ему просто не хотелось смотреть моей матери в глаза и отвечать на ее вопросы. Я порадовалась, что отец отучил меня врать слишком длинно.)

Как только Чак уехал, мать поднялась наверх, а я снова вышла во двор.

Пару лет назад отец ввел у нас новшество, которое многим прихожанам нашей церкви казалось греховным излише-

ством: два отдельных сортира, для мальчиков и для девочек, как в школе. Они нам действительно были необходимы. В тот момент в уборной для девочек, к счастью, никого не было. Я закрылась на щеколду и осмотрелась.

Немного крови, совсем немного – ничего страшного. Немного болит, но совсем чуточку.

Я вздохнула с облегчением, пописала, привела себя в порядок и вернулась в дом, прихватив попутно из поленицы немного дров для кухни – это делал у нас каждый, кто посещал тот домик.

Сбросив дрова, я зашла в умывальную около кухни, вымыла руки и понюхала их. Все в порядке – только совесть нечиста. По дороге к отцу я остановилась потрепать Люсиль за рыжие кудряшки и похлопать ее по попке. Ей тогда было, кажется, года три – ну да, она родилась в девяносто четвертом, через год после нашей с отцом поездки в Чикаго. Она была настоящая куколка, всегда веселая. Я решила, что у меня будет точно такая же... не в этом году, но скоро. Я чувствовала себя настоящей женщиной.

У дверей в кабинет я столкнулась с миссис Альтшулер, которая как раз уходила, и поздоровалась с ней. Она посмотрела на меня и сказала:

– Одри, ты снова бегала по солнцу без шляпки. Пора уже поумнеть.

Я поблагодарила ее за внимание. Отец говорил, что она ничем не страдает, кроме запора и недостатка физических

упражнений, однако она являлась на прием не реже двух раз в месяц и еще ни пенни не заплатила с начала года. Отец был сильный, волевой человек, но собирать долги у больных не умел.

Он записывал визит в книгу и поднял на меня глаза:

– Я беру вашего слона, юная леди.

– Это окончательно, сэр?

– Да. Может, я и не прав, но твердо убежден. А что, не надо было?

– Думаю, что не надо, сэр. Мат в четыре хода.

– Да ну? – Отец подошел к шахматному столику. – Покажи как.

– Может, просто разыграем? Я могу и ошибаться.

– Гр-рммпффф! Ты меня в могилу сведешь. – Отец вернулся к своему столу. – Прочти вот это, тебе будет интересно. Пришло с утренней почтой – от мистера Клеменса.

– Ой!

Из того письма мне особенно запомнилось следующее:

«Согласен с вами и с Бардом, сэр, – их надо вешать. Возможно, повешение законников и не излечит всех бед нашей страны, зато это будет весело, а вреда никакого.

Я уже где-то говорил, что конгресс – единственный преступный класс в нашем обществе. И нельзя считать совпадением то, что девяносто семь процентов конгрессменов – юристы».

Мистер Клеменс писал еще, что его лекционное агентство назначило ему Канзас-Сити на будущую зиму. «Помню, четыре года назад мы с Вами на неделю разминулись в Чикаго. Не сможете ли Вы приехать в Канзас-Сити десятого января будущего года?»

– Ой, отец! Поедем?

– А как же школа?

– Вы же знаете, я наверстала все, что пропустила, когда ездили в Чикаго. И знаете, что я в классе первая среди девочек... а была бы и во всем классе первая, если бы не ваш совет не слишком выделяться. Может, вы правда не заметили, что я прошла почти все предметы и могла бы закончить школу...

– ...Вместе с Томом на той неделе. Заметил. Мы это еще обсудим. Господь не захочет – и чирей не вскочит. Достала ты то, за чем ездила в Батлер?

– Достала, но не в Батлере.

– Как так?

– Я это сделала, отец. Я больше не девственница.

Он вскинул брови:

– Тебе удалось меня удивить.

– Правда, отец? – (Мне не хотелось, чтобы он на меня сердился... и он, по-моему, задолго до этого решил, что сердиться не станет.)

– Правда. Я-то думал, ты это сделала еще на рождественских каникулах. И полгода ждал, когда же ты удостоишь ме-

ня своим доверием.

– Сэр, мне бы и в голову не пришло скрыть это от вас. Я на вас полагаюсь.

– Благодарствую. Мм... надо бы осмотреть тебя после дефлорации. Позвать маму?

– О! Разве ей нужно об этом знать?

– Впоследствии да. Но ей не обязательно осматривать тебя, если ты этого не хочешь...

– Еще бы я хотела!

– В таком случае я направлю тебя к доктору Чедвику.

– Ну зачем мне идти к доктору Чедвику? Это естественный процесс, и у меня ничего не болит, – зачем это нужно?

Мы вежливо поспорили. Отец сказал, что врачу неэтично лечить членов своей семьи, особенно женщин. Я сказала, что знаю, но меня и не надо лечить. И так далее и так далее.

В конце концов, удостоверюсь в том, что мать отдыхает у себя наверху, отец увел меня в амбулаторию, запер дверь и помог мне забраться на стол. Я очутилась примерно в той же позе, что и с Чарльзом, только на сей раз не снимала ничего, кроме панталон.

И вдруг почувствовала возбуждение.

Я старалась его подавить и надеялась, что отец не заметит. В свои пятнадцать я уже сознавала, что у меня к отцу необычная, может быть, нездоровая привязанность. А в двенадцать фантазировала, как нас с отцом выбрасывает на

необитаемый остров.

Но табу было слишком крепким – я это знала из Библии, из классической литературы, из мифологии. И хорошо помнила, как отец перестал сажать меня к себе на колени – точно отрезал, когда у меня начались месячные.

Отец натянул резиновые перчатки. Он начал это делать с тех пор, как побывал в Чикаго, – а ездил он туда не для того, чтобы показать Морин посвященную Колумбу Всемирную выставку, а чтобы послушать в Эванстоне, где помещался Северо-Западный университет, курс лекций по микробной теории Пастера³⁵.

Отец всегда был сторонником воды и мыла, но под этим не было научной основы. Его наставник, доктор Филлипс, начавший практиковать в 1850 году, так комментировал слухи, доходившие до Франции: «Чего ж от них еще и ждать, от лягушатников».

Когда же отец вернулся из Эванстона, ничто больше не казалось ему достаточно чистым. Он стал пользоваться резиновыми перчатками и йодом, а инструменты кипятил или обжигал, особенно тщательно, когда имел дело со столбняком.

Эти холодные липкие перчатки меня охладили... и я все-таки со смущением убедилась, что внизу вся мокрая.

Я не стала заострять на этом внимания, отец тоже. Вско-

³⁵ *Луи Пастер* (1822–1895) – французский ученый, разработавший теорию инфекционных заболеваний. – *Примеч. С. В. Голд.*

ре он помог мне слезть и отвернулся снять перчатки, пока я натягивала панталоны. Когда я приняла приличный вид, он открыл дверь и проворчал:

– Нормальная, здоровая женщина. С деторождением не должно быть никаких хлопот. Рекомендую несколько дней воздержаться от половых сношений. Как я понял, ты пользовалась «французским мешочком». Верно?

– Да, сэр.

– Хорошо. Если так и будешь ими пользоваться – каждый раз! – и осмотрительно вести себя на людях, серьезных проблем у тебя не возникнет. Хм... как ты, не против еще разок прокатиться в двуколке?

– Нет конечно – почему я должна быть против?

– Тем лучше. Мне передали, что последний ребенок Джонни Мэй Айгоу заболел, и я обещал выбраться к ним сегодня. Ты не попросишь Фрэнка запрячь Дэйзи?

Это была долгая поездка. Отец взял меня с собой, чтобы рассказать мне об Айре Говарде и его Фонде. Я слушала, не веря своим ушам... но ведь это говорил отец, единственный надежный источник информации.

– Отец, я, кажется, поняла, – сказала я наконец. – Но чем же это отличается от проституции, если отличается?

Червоточина в яблоке

Отец пустил Дэйзи трусить, как ей вздумается.

– Что ж, это, пожалуй, тоже проституция, в широком смысле слова, хотя здесь оплачивается не сожитительство как таковое, а плод этого сожитительства. Фонд Говарда платит тебе не за то, что ты выходишь замуж за их кандидата... и ему – не за то, что он женится на тебе. Тебе вообще не станут платить, только ему – за каждого рожденного тобой и зачатого им ребенка.

Я сочла эти условия унижительными. Пусть я не принадлежу к женщинам, борющимся за право голосовать, но все-таки это нечестно. Кто-то там меня осеменит, потом я буду стонать и вопить, как моя мать, когда рожает, а деньги за-платят ему. Я вспылила:

– Ну, не знаю, отец, по мне – это все равно что быть шлюхой. А какая у них такса? Сколько получит мой гипотетический муженек за мои родовые муки и одного вонючего младенца?

– Твердой таксы нет.

– Как? Моп рара, разве так ведутся дела? Я по контракту ложусь и раздвигаю ноги, а через девять месяцев моему мужу платят... пять долларов? Или пять центов? Ничего себе

сделка. Уж лучше я поеду в Канзас-Сити и буду ходить по панели.

– Морин! Думай, что говоришь.

Я перевела дыхание и понизила голос на октаву, в чем недавно начала практиковаться, пообещав себе никогда не визжать.

– Извините, сэр. Что-то я скандалю, как нервная девица, считала себя взрослее. Но уж очень это все неприглядно, – вздохнула я.

– Да, пожалуй, «неприглядно» – *le mot juste*³⁶. Но позволь я расскажу тебе, как это происходит на практике. Никто тебя ни за кого силой замуж не гонит. Мы с матерью с твоего согласия записываем тебя в Фонд, приложив анкету, которую я помогу тебе заполнить. Взамен тебе присылают список молодых людей. Все они, что называется, подходящие женихи, кредитоспособные независимо от Фонда и его денег. И все будут молоды, не более чем на десять лет старше тебя, а еще вероятнее – твои ровесники.

– Пятнадцатилетние? – спросила я. Я была поражена. Шокирована.

– Не кипятись, Рыжик. Твоего имени еще нет в списках. Я говорю тебе об этом сейчас, потому что нечестно было бы скрыть от тебя, что есть такой Фонд Говарда. Но для замужества ты еще слишком молода.

– В нашем штате я могу выйти замуж с двенадцати лет –

³⁶ Верно сказано (*фр.*).

с вашего согласия.

– Согласен, можно в двенадцать. Если сумеешь.

– Отец, вы невозможный человек.

– Нет, всего лишь невероятный. Твой жених будет молод, но старше пятнадцати лет. У него будут хорошее здоровье и хорошая репутация, а также необходимое образование...

– Он должен говорить по-французски, иначе он нам не подойдет.

В Фивах можно было учить либо немецкий, либо французский. Эдвард выбрал французский, а за ним и Одри, поскольку отец и мать тоже в свое время учили французский и переходили на него, когда хотели при нас поговорить о своем. Одри с Эдвардом создали прецедент, которому мы все стали следовать. Я занялась французским еще до школьных уроков – мне не нравилось, когда при мне говорили на непонятном языке. Этот выбор оказал влияние на всю мою жизнь – но это опять-таки другая история.

– Французскому можешь обучить его сама – включая французские поцелуи, о которых меня спрашивала. А незнакомец, испортивший нашу Нелл, – он умеет целоваться?

– Еще как!

– Прекрасно. Он был мил с тобой, Морин?

– Очень мил. Немножко робок, но это у него, думаю, пройдет. Да, отец, – это было не так здорово, как я ожидала. Но в следующий раз все будет как надо.

– А может быть, в третий раз. Ты хочешь сказать, что ны-

нешняя попытка была не так приятна, как мастурбация. Правильно?

– Ну да, это я и хотела сказать. Все кончилось слишком быстро. Он... Боже мой, да вы же знаете, кто возил меня в Батлер. Чак. Чарльз Перкинс. Он такой милый, *cher para...* но понимает в этом еще меньше меня.

– Неудивительно. Тебя-то учил я, и ты была прилежной ученицей.

– А Одри вы тоже учили, пока она не вышла замуж?

– Ее учила мать.

– Да? Мне сдается, ваши наставления были обширнее. Скажите, а замужество Одри тоже устроил Фонд Говарда? Она так и познакомилась с Джеромом?

– Морин, нельзя задавать такие вопросы, строить предположения будет невежливо.

– Ну, извините. Оплошала.

– Беззастенчивость непростительна. Я никогда не обсуждаю твоих личных дел с твоими братьями и сестрами – не спрашивай и ты меня об их делах.

Почувствовав натянутый поводок, я осадила:

– Простите, сэр. Просто все это для меня так ново...

– Хорошо. Этот молодой человек – все эти молодые люди – вполне приемлемая перспектива для тебя... а если меня кто-то из них не устроит, я скажу тебе почему и не пущу его в дом. В довершение всего у каждого из них живы и родители отца, и родители матери.

– Ну и что тут такого? У меня не только оба дедушки и обе бабушки живы, но и у них у всех живы родители, так ведь?

– Да. Хотя прадедушка Макфи только зря небо коптит. Уж лучше бы он умер в девяносто пять. Но в этом-то все и дело, дорогая дочка: Айра Говард завещал свое состояние в целях продления человеческой жизни, а учредители Фонда решили поставить дело как на племенном заводе. Помнишь родословную Бездельника, за которую я и отвалил такие деньги? Или родословную Клитемнестры? У тебя в роду долголетие, Морин, причем по всем линиям. Если ты выйдешь замуж за молодого человека из списка Говарда, у ваших детей тоже все предки будут долгожителями. – Отец повернулся на сиденье и посмотрел мне в глаза. – Но никто – никто! – ничего от тебя не требует. Если ты разрешишь мне записать тебя в Фонд – не сейчас, а, скажем, на будущий год, – это значит только то, что ты получишь возможность выбирать еще из шести, восьми или десяти поклонников, не ограничивая себя немногими своими ровесниками из округа Лайл. Если ты, например, решишь выйти за Чарльза Перкинса, я ни слова не скажу против. Он здоров, хорошо воспитан, и если он не в моем вкусе, то, может быть, в твоём.

(И не в моем, папа. Кажется, я его просто использовала. Но я обещала ему матч-реванш... так что придется.)

– А если мы отложим это до будущего года, отец?

– По-моему, это здоровое решение. Постарайся до тех пор не забеременеть и не попасться. Кстати – если ты запишешь-

ся и молодой человек из твоего списка придет познакомиться с тобой, можешь опробовать его на диване в гостиной. Это удобнее и безопаснее, чем в судейской ложе, – добавил он с улыбкой.

– Да маму удар хватит!

– Не хватит. Ее матушка в свое время устроила для нее то же самое... вот почему Эдвард официально считается недоношенным. Глупо было бы вступить в говардовский брак и уже после венчания обнаружить, что у вас не может быть детей.

Я онемела. Мать... моя мать, считавшая слово «грудь» неприличным, а «живот» – вопиюще грязным... Мать со спущенными панталонами непристойно елозит своими похабными ягодицами по дивану бабушки Пфайфер, мастера внебрачного ребенка, а бабушка с дедушкой закрывают на это глаза! Легче поверить в непорочное зачатие, в Преображение, в Воскресение, в Санта-Клауса и пасхального зайчика. Мы совсем не знаем друг друга – а уж своих родных и подавно.

Вскоре мы въехали во владения Джексона Айгоу – восемьдесят акров, все больше камень да пригорки, а посредине хибара и ветхий сарай. Мистер Айгоу что-то там выращивал, но как эта ферма может прокормить его с тощей, изнуренной женой и кучей грязных ребят, в голове не укладывалось. В основном Джексон Айгоу зарабатывал тем, что

чистил выгребные ямы и строил уборные.

Несколько детей и с полдюжины собак тут же собрались вокруг двуколки; один из мальчишек с криками кинулся к дому. Вышел мистер Айгоу.

– Джексон! – окликнул его отец.

– Я, док.

– Уберите-ка собак от повозки.

– От них не будет вреда.

– Уберите. Я не хочу, чтобы они прыгали на меня.

– Как скажете, док Кливленд! Джефферсон! Отгоните-ка собак на задний двор.

Те послушались. Отец слез, тихо бросив мне через плечо:

– Сиди в двуколке.

Пробыл он в хижине недолго – и хорошо, потому что их старший парень, Калев, примерно мой ровесник, все приставал, чтобы я пошла с ним поглядеть поросят. Я его знала по школе – он уже несколько лет сидел в пятом классе – и считала, что его в скором будущем ждет суд Линча, если чей-то отец не убьет его раньше. Пришлось сказать ему, чтобы отвалил от Дэйзи и не докучал ей, – она мотала головой и пяtilась. Для подкрепления своих слов я достала из стойки кнут.

Я была рада, когда отец вернулся.

Он молча сел в двуколку, я цокнула, и Дэйзи тронулась с места. Отец был мрачен как туча, поэтому и я сидела тихо.

Когда мы проехали с четверть мили, он сказал:

– Сверни-ка на травку. – Я свернула и сказала Дэйзи: – Тпру, девочка.

– Спасибо, Морин. Полей мне, пожалуйста, на руки.

– Сейчас, сэр. – Двуколку для выездов в город делал на заказ тот же каретный мастер, который поставил отцу беговые коляски, – сзади в ней был большой багажник с фартуком от дождя. Там отец возил разные вещи, которые могли понадобиться ему на вызове, а в черный саквояж не умещались. В том числе вода в жестянке из-под керосина с носиком, тазик, мыло и полотенца.

Я полила, он намылил руки, снова подставил их под струйку, отряхнул и еще раз вымыл в тазике и вытер чистым полотенцем.

– Вот так-то лучше, – вздохнул он. – Я там не садился и по возможности ничего не трогал. Помнишь, Морин, какая ванна у нас была в Чикаго?

– Ну еще бы!

Всемирная выставка была чудом из чудес, и я никогда не забуду, как впервые увидела озеро или проехала по надземной железной дороге... но в мечтах моих поселилась белая эмалированная ванна с горячей водой до самого подбородка. Говорят, у каждой женщины – своя цена. Моя – это ванна.

– Миссис Мэллой брала с нас за каждую ванну четвертак. Сейчас бы я охотно заплатил и два доллара. Морин, дай мне,

пожалуйста, глицерин с розовой водой – там, в саквояже.

Отец сам делал эту примочку для растрескавшейся кожи и сейчас смазал ей руки после сильного щелочного мыла. Когда мы снова тронулись в путь, он сказал:

– Этот ребенок, Морин, умер задолго до того, как Джексон Айгоу послал за мной. На мой взгляд, еще ночью.

Я попыталась вызвать в себе жалость к ребенку, но вряд ли стоило жалеть того, кто избежал участи вырасти в этом доме.

– Зачем же было посылать за вами?

– Помолиться за упокой. Выписать свидетельство о смерти, чтобы у отца не было неприятностей с законом, когда он похоронит ребенка... чем он, наверное, сейчас и занимается. А главное, чтобы мы с тобой проехали шесть миль туда и обратно, а не он запрягал бы мула и ехал в город. – Отец невесело засмеялся. – Он все говорил, что я не должен брать с него платы за визит, потому что приехал уже после смерти ребенка. Наконец я ему сказал: «Заткнись, Джексон. Ты мне еще ни цента не заплатил с тех пор, как Кливленд побил Гаррисона». А он мне: времена, мол, тяжелые, а правительство ничего не делает для фермера.

Отец вздохнул:

– Я с ним не спорил – он в чем-то прав. Морин, ты весь прошлый год вела мои книги – как, тяжелые времена или нет?

Он меня озадачил – я в это время думала о Фонде Говарда

и о хорошеньком пенисе Чака.

– Не знаю, отец. Знаю только, что в книгах записано гораздо больше, чем вам заплатили на самом деле. И вот что я еще заметила: самые никудышные вроде Джексона Айгоу предпочитают лучше задолжать доллар за вызов на дом, чем пятьдесят центов за визит в кабинет.

– Да. Джексон мог бы привезти трупик в город – в жизни не видел такого обезвоженного тельца! Но я рад, что он этого не сделал – ни к чему мне покойничек в моем чистом кабинете и в чистом доме Адели. Ты видела книги – как, потвоему, достаточно моих доходов, чтобы содержать нашу семью? Хватает ли на еду, на одежду, на жилье, на овес и сено и на монетки для воскресной школы?

Я призадумалась. Таблицу умножения я, как и все школьники, знала до «двадцатью двадцать», а в старших классах стала постигать блаженство более сложных вычислений, но в нашем домашнем хозяйстве своих познаний не применяла. Я представила себе черную доску и углубилась в расчеты.

– Отец, если бы они все заплатили вам то, что должны, мы бы жили в полном достатке. Но ведь они не платят... не все платят, а мы все-таки живем в достатке.

– Морин, если не захочешь записываться в Фонд Говарда, выходи за богатого. Не за сельского врача.

Немного погодя отец пожал плечами и улыбнулся:

– Но не волнуйся. У нас всегда будет еда на столе, даже

если мне придется совершать набег на Канзас и воровать там скот. Споем? «У папы ласочка была» будет сегодня к месту. А как твоя ласочка, дорогая? Не болит?

– Отец, вы грязный старик и плохо кончите.

– Всегда на это надеялся, но с таким семейством разве согрешишь как следует. А знаешь, о тебе беспокоилась еще одна особа. Миссис Альтшулер.

– Так я и знала. – Я рассказала ему, как мы встретились. – Она приняла меня за Одри.

– Вот мерзкая старая корова. Но это она, может быть, нарочно. Она меня спрашивала, что ты делала на ярмарочных трибунах.

– И что же вы ей ответили?

– Ничего. Молчание – это все, что заслуживает вопрос любопытного, – пропускай его мимо ушей, вот и все. А еще лучше – прямое оскорбление, которое я и нанес этой зловредной черепахе, не ответив на ее вопрос и сказав ей, чтобы она перед следующим визитом ко мне помылась, – я, мол, нахожу, что она неудовлетворительно соблюдает личную гигиену. Ей это не понравилось. – Он улыбнулся. – Если она сильно разозлится, то перебежит к доктору Чедвику, будем надеяться.

– Будем. Значит, кто-то видел, как мы туда поднимались. Но уж чем мы там занимались, сэр, – этого не видел никто. – Я рассказала отцу про ящик с грузами. – Любопытным понадобился бы воздушный шар.

– Да уж. Устроились вы надежно, хотя и не очень удобно. Я желал бы предоставить в твое распоряжение диван... но не могу, пока ты не запишешься в Фонд Говарда. Если решишь. А пока что давай подумаем о безопасных местах.

– Да, сэр. Спасибо. Одного не могу понять: пробыли мы в Батлере недолго, чтобы скрыть время, затраченное на побочную деятельность. Я рассчитала в уме время и расстояние. Cher para, или я плохо считаю...

– Не может такого быть.

– Если кто-то видел, что мы лезли в ложу, он должен был рысью прискакать к Альтшулерам и сообщить о моем грехопадении, причем Безобразная Герцогиня должна была уже полностью одеться к тому времени и приготовить двуколку с лошадьё, чтобы ехать к вам. Когда она явилась?

– Сейчас соображу. Когда она появилась, у меня сидело трое пациентов, и ей пришлось дожидаться очереди, так что вошла она ко мне уже злая, а вышла рассвирепевшая. Мм... Должно быть, она появилась за час до того, как ты встрети-лась с ней в дверях.

– Нет, отец, не получается. Это физически невозможно. Разве что она сама была на ярмарке, а оттуда напрямик по-скакала к вам.

– Все может быть, хотя вряд ли. Морин, сегодня ты столкнулась с феноменом, с которым будешь сталкиваться всю свою жизнь после сего примечательного дня: быстрее света, согласно науке, движется только сплетня миссис Гранди.

– Да, наверное.

– Не наверное, а точно. Когда ты столкнешься с этим в следующий раз, что будешь делать? Предусмотрено это в твоих заповедях?

– Нет.

– Подумай. Как будешь защищаться?

Я думала над этим следующие полмили.

– Вообще не буду.

– Что не будешь?

– Защищаться от сплетен. Не стану обращать на них внимания. В крайнем случае посмотрю ей – или ему – в глаза и громко скажу: «Вы грязная лгунья». Но лучше просто не обращать внимания. По-моему, так.

– По-моему тоже. Люди подобного сорта только и хотят, чтобы их заметили. Самый лучший способ жестоко обойтись с ними – это вести себя так, будто их не существует.

Оставшуюся половину 1897 года я продолжала игнорировать миссис Гранди, стараясь в то же время не привлекать ее внимания. В глазах общественности я выглядела словно героиня Луизы М. Олкотт³⁷, вне же ее глаз продолжала познавать новое изумительное искусство, к которому недавно приобщилась. Не подумайте только, что я все время прово-

³⁷ Упомянутая американская писательница XIX в. является автором многих нравоучительных книг для юношества, в том числе романа «Маленькие женщины».

дила лежа на спине и трудясь в поте лица на общее благо Морин и того, чье имя – легион. В округе Лайл времен 1897 года заниматься этим было особо негде.

«Совесть – это тихий голос, который говорит тебе, что за тобой кто-то может следить». Незвестный автор.

И еще была проблема с подходящим партнером. Чарльз был славным мальчиком, и я позволила ему исполнить этот номер на бис и даже дала третью попытку – для ровного счета. Вторая и третья попытки прошли в более удобных условиях, но оказались еще менее удовлетворительными, чем первая, – холодная маисовая каша без сорго и без сливок.

Поэтому на третий раз я сказала Чарльзу, что нас кто-то видел на Марстонском холме и сказал моей сестре – хорошо, что не кому-нибудь из братьев, с сестрой-то я договорюсь. Но нам лучше притвориться, будто мы поссорились... не то, чего доброго, дойдет до матери, а та скажет отцу, и что тогда будет! Давай-ка расстанемся до начала занятий в школе. Ты ведь понимаешь, правда, дорогой?

Я убедилась, что в отношениях с мужчиной самое трудное – прекратить эти отношения, когда он этого не хочет. За полтора века своего богатого опыта я так и не нашла полностью надежного способа.

Один из частично надежных, который я выработала гораздо позднее 1897 года, требует большого умения, значительного самообладания и некоторого притворства. Назовем его условно «колода». Лежишь как мертвая, полностью рассла-

бив – это главное – внутренние мышцы.

Если перед этим еще наестся чеснока, то очень вероятно, хотя и не на сто процентов, что тебе не придется придумывать причину для разрыва. А потом, когда он сам разорвет с тобой отношения, ты мужественно примешь удар. Хорошая девочка ни с кем не ссорится.

Я не хочу этим сказать, что весь секрет сексапильности – в подвижных бедрах и тугих мускулах. Эти качества тоже полезны, но они всего лишь элементарная техника – то же, что для плотника хорошо заточенный инструмент. Моя брачная сестра Тамара, мать нашей брачной сестры Иштар и в свое время самая знаменитая шлюха на всем Секундусе, – воплощение сексапильности, а между тем она не такая уж красавица, и никто из тех, кто с ней спал, не распространяется о ее технике. Однако их лица светлеют при виде ее, а голос дрожит, когда они говорят о ней.

Я спросила о Тамми Джубала Харшоу, самого аналитичного из моих мужей.

– Брось притворяться, мама Морин, – сказал он мне. – Уж тебе ли не знать?

Я заверила его, что не знаю.

– Ну ладно – хотя ты все равно, по-моему, врешь. Сексапильность – это внешнее проявление внутреннего стремления удовлетворить своего партнера. У Тамми это есть. И в меньшей степени у тебя тоже. Дело вовсе не в том, что ты рыжая, и даже не в том, как ты пахнешь, – а в том, что ты

отдаешься... когда отдаешься.

Ответ Джубала так меня возбудил, что я тут же не сходя с места его завалила.

Но в тогдашнем округе Лайл нельзя было так просто завалить того, кто тебе понравился, и получить то, чего тебе хочется. Миссис Гранди сидела за каждым кустом, подстерегая случай поймать тебя и уличить. Так что любовь требовала тщательной подготовки. В охотниках недостатка не было – их насчитывалось двенадцать на каждую дюжину, – но среди них надо было еще выбрать того, кто подходит тебе. Соответствующего возраста, здоровья, чистоплотного, обаятельного, скромного (если он сплетничает с тобой о других, то будет сплетничать и о тебе), и оценить прочие факторы, которые варьируются от кандидата к кандидату. Выбрав себе жертву, нужно было внушить избраннику, что он хочет именно тебя, молча давая понять, что это возможно. Все это легко сказать, а вот попробуйте на практике! Это искусство оттачиваешь всю жизнь.

Итак, согласие достигнуто... остается найти место.

Выбрав сама, где мне потерять невинность, я перестала заниматься этой стороной проблемы. Если юноша или зрелый муж хочет обладать моим грешным телом, пусть напряжет свое серое вещество и сам придумает где. А нет – так пусть отправляется бабочек ловить.

При этом, конечно, трудно уберечься от клещей, а раз мы

нарвались на ядовитый плющ. Мой спутник пострадал, а у меня, видно, был иммунитет.

С июня по январь меня имели трое мальчишек от шестнадцати до двадцати и один женатый мужчина тридцати одного года. Его я включила в реестр из предположения (ошибочного), что женатый мужчина более искусен и непременно устроит мне желаемый фейерверк.

Итого: совокуплений – девять, оргазмов – три, из них один восхитительный. Время, затраченное на половую жизнь, – в среднем по пять минут на каждый случай, то есть явно недостаточно. Я поняла, что жизнь может быть прекрасна... но что мужчины из моего окружения варьируются в диапазоне от неуклюжих до неловких.

Миссис Гранди меня как будто не замечала.

К Новому году я решила попросить отца представить мою кандидатуру в Фонд Говарда. Не из-за денег (я так и не знала, сколько и достаточно ли там платят), просто мне хотелось получить возможность познакомиться с более подходящими мужскими особями. Охотничьи угодья округа Лайл оказались слишком бедны для Морин. Я твердо поняла, что, даже если секс и не все на свете, замуж выйти я все-таки хочу – и за такого мужчину, с которым тянет лечь спать пораньше.

Тем временем я старалась сделать из Морин настолько желанную самочку, насколько это возможно, и внимательно прислушивалась к советам отца. (Я знала, что мне нужен

мужчина, похожий на него, – но лет на двадцать пять помоложе. Или на двадцать... Ладно, пусть на пятнадцать. Но я была готова довольствоваться самой близкой имитацией, какую смогу найти.)

С того дня, как мы с Чаком залезли в судейскую ложу, до конца 1897 года оставалось еще двести дней. То есть $200 \times 24 \times 60 = 288\,000$ минут. Из них около сорока пяти я занималась сексом – остается 199 дней, 23 часа, 15 минут. Отсюда следует, что мне хватало времени и на другие дела.

То лето было одним из самых лучших в моей жизни. Хотя я и не слишком часто, и не слишком эффективно занималась сексом, ложилась и вставала я с мыслью о нем. Это заставляло сиять мои глаза и освещало мои дни. Я выпускала женские феромоны, словно самка мотылька, и улыбка не сходила с моих губ. Пикники, купальные вечеринки в Осейдже (вы не поверите, что мы при этом на себя надевали), загородные танцульки (на последние косо смотрели методистская и баптистская церкви, зато их поощряли мормоны – ради привлечения возможных новообращенных; мать наложила на них вето, но отец его не подтвердил, и я посещала эти танцы и выучила все повороты и диагонали), конкурсы на лучший арбуз и любой повод уйти от надзора и собраться компанией.

Я выкинула из головы мечты об Университете Миссури в Колумбии. Ведя книги отца, я поняла, что содержать меня четыре года в колледже у него просто нет возможности. И потом, я не слишком стремилась стать сестрой милосердия

или школьной учительницей – так зачем же мне формальное (и дорогостоящее) высшее образование. Книгочеем я останусь на всю жизнь, но диплом для этого иметь необязательно.

Поэтому я решила стать образцовой домашней хозяйкой и для начала научиться готовить.

Я дежурила на кухне по очереди с сестрами с того дня, как мне исполнилось двенадцать, и к пятнадцати годам хорошо умела готовить простые блюда.

Но я задумала сделаться искусной поварихой.

Мать заметила мой возросший интерес к кулинарии, и я сказала ей почти что правду:

– Chère mama, я надеюсь когда-нибудь выйти замуж. По моему, лучший свадебный подарок, который я могу сделать своему будущему мужу, – это умение хорошо готовить. Может, у меня и не хватит таланта, чтобы стать шеф-поваром. Но я могу попытаться.

– Морин, ты можешь быть кем захочешь. Никогда не забывай об этом, – сказала мама.

И она помогала мне, учила меня, выписывала из Нового Орлеана французские поваренные книги, которые мы вместе штудировали. Потом отправила меня на три недели к тете Кароль, которая обучила меня креольской кухне. Тетя Кароль была южанка французского происхождения, после гражданской войны вышедшая – о ужас! – за проклятого янки, за старшего брата отца дядю Эвинга, ныне покойного.

Дядя Эвинг участвовал в оккупации Нового Орлеана и однажды дал в зубы сержанту, спасая тем от беды девуцу-южанку. За этим последовало разжалование из капралов в рядовые – и женитьба.

В доме тетушки Кароль о войне никогда не говорили.

Нечасто говорили о ней и у нас дома – ведь мы, Джонсоны, были родом не из Миссури, а из Миннесоты и, как люди пришлые, по примеру отца не затрагивали тем, которые могли огорчить наших соседей.

В Миссури симпатии переплетались – штат был и пограничный, и рабовладельческий, и в нем проживали ветераны с обеих сторон. В нашей части Миссури действовали местные законы: в иных городах никогда не держали рабов, а теперь не допускали к себе цветных жителей. К таким относились и Фивы. Кроме того, наш городок был таким маленьким и незначительным, что союзные войска обошли его стороной, когда наступали здесь в шестьдесят пятом году, грабя и поджигая. Батлер сожгли до основания, он так и не оправился потом полностью, но Фивы не тронули.

Джонсоны, хотя и приехали с Севера, саквояжниками³⁸ не были – Миссури не входил в Конфедерацию, и Реконструкция его не коснулась. Дядя Джайлс, отцовский кузен отца, живший в Канзас-Сити, объяснил причину переезда

³⁸ *Саквояжниками* назывались эмиссары правительства, после гражданской войны осуществлявшие в мятежных штатах репрессивный режим Реконструкции.

так: «Дрались мы, значит, в Дикси четыре года, а потом вернулись домой... только чтобы вещички собрать и сняться. В Миссури не такая жара, как в Дикси, но и таких холодов не бывает, чтобы тени примерзали к земле, а коровы давали мороженое».

Тетя Кароль наводила лоск на мое кулинарное мастерство, и я постоянно торчала у нее на кухне, пока не вышла замуж. Именно в те три недели и случилась история с лимонной меренгой, – кажется, я о ней уже упоминала.

Я испекла их четыре штуки. Та, о которой речь, не слишком удалась – корочка подгорела, однако три остальные получились хорошо, – не так-то легко добиться нужной температуры, имея дровяную плиту.

И как только мой кузен Нельсон ухитрился незаметно притащить ту меренгу в церковь и подсунуть ее под меня, а я и не заметила?

Он так меня взбесил, что я тут же убежала домой (то есть к тете Кароль), а когда Нельсон явился с извинениями, расплакалась и легла с ним в постель. Тут и случился один из трех фейерверков. Мы поддались внезапному порыву, забыв об осторожности, но это сошло нам с рук.

Потом я время от времени допускала к себе Нельсона, если представлялся случай, – до самой своей свадьбы. Да и свадьбой дело не кончилось, потому что Нельсон через несколько лет переехал в Канзас-Сити.

Мне не следовало так вести себя с Нельсоном – ему ведь

было всего четырнадцать.

Однако для своих лет он был шустрый мальчик. Знал, что надо предохраняться, что за него замуж я ни за что не пойду, что я могу забеременеть и что ребенок будет катастрофой для нас обоих. В то воскресное утро он послушно дал мне надеть на него «французский мешочек», ухмыльнулся и сказал: «Мо, ты просто молодец». Потом с неостывшим энтузиазмом набросился на меня и в рекордный срок довел до оргазма.

В последующие два года я продолжала снабжать Нельсона «веселыми вдовами». Пеклась я не о себе – у меня всегда были при себе свои, – а о его гареме. После того как я приобщила его к этому виду спорта, он занялся им с жаром и врожденным талантом и ни разу не влип. Шустрый мальчик.

Помимо занятий кулинарией я пыталась взыскать задолженность с пациентов для отца, но с меньшим успехом. Посоветовавшись с ним, я разослала тем, кого это касалось, вежливые напоминания об уплате долга. Вам не приходилось писать от руки сто писем подряд? Я поняла, почему мистер Клеменс при первой же возможности сменил перо на пишущую машинку, подав пример всем другим писателям.

Дорогой мистер Наглоу.

Проверяя книги доктора Джонсона, я обнаружила, что за Вами числятся до фи́га и больше долларов, причем Вы не платили по счету с марта 1896 года.

Возможно, это просто недоразумение. Можем ли мы ожидать, что Вы уплатите указанную сумму до первого числа следующего месяца?

Если Вы не в состоянии уплатить ее полностью, прошу Вас зайти к доктору в пятницу десятого числа, чтобы уладить вопрос к обоюдному согласию.

Доктор шлет наилучшие пожелания Вам и миссис Наглоу, а также Наглоу-младшему, близнецам и маленькой Туппи.

Искренне Ваша

Морин Джонсон,

(по поручению доктора Айры Джонсона)

Я показала отцу несколько образцов – от любезного до жесткого. Чаще всего мы использовали вышеприведенный образец. Про некоторых адресатов отец говорил: «Этим не посылай. Они заплатили бы, если б могли, но не могут». И все же я разослала больше сотни писем.

За каждое письмо почтовые расходы составляли два цента, канцелярские – около трех. Время, затраченное мной на письмо, оценим в пять центов. Итого каждое письмо стоило нам десять центов, а все вместе – чуть больше десяти долларов.

В результате этой операции мы не выручили и десяти долларов наличными.

Около тридцати пациентов пришли объясняться. Около половины из них принесли что-нибудь в счет долга: яйца, ветчину, вырезку, овощи, свежий хлеб и так далее. Шесть

или семь человек договорились о рассрочке, и некоторые действительно сдержали слово.

Но семьдесят с лишним человек полностью проигнорировали письма.

Я была расстроена и разочарована. Это ведь не какие-то дремучие бедолаги вроде Джексона Айгоу, а состоятельные фермеры и горожане. Это ради них отец вставал среди ночи с постели, одевался и ехал – в повозке или верхом, в снег, в дождь, в пыль и в грязь, по колдобинам – к ним или к их детям. А когда он попросил их заплатить ему, они и ухом не повели.

Я просто не могла в это поверить.

– Что же дальше, отец? – спросила я, думая, что он сейчас скажет: оставь, мол, эту затею, поскольку я с самого начала сомневался в ее полезности. И уже приготовилась вздохнуть с облегчением.

– Разошли им всем жесткие письма с пометкой «повторное уведомление».

– Думаете, это поможет, сэр?

– Нет. Но кое-какая польза будет. Вот увидишь.

Отец был прав. Вторичная рассылка не принесла нам денег, зато пришло несколько негодующих ответов, среди которых были и оскорбительные. Отец велел мне подколоть каждое письмо к соответствующей медицинской карте, но не отвечать на них.

Большинство из этих семидесяти пациентов впоследствии

к нему не обращались. Это и был тот положительный результат, на который отец надеялся и которому радовался.

– Ничья, Морин. Они мне не заплатили, а я им не очень-то помог. Йод, каломель и аспирин – вот в основном и все, чем мы пока располагаем, да еще сахарное драже. Я уверен в результате, только когда принимаю роды, вправляю кость или отнимаю ногу.

Но черт побери, я все-таки делаю, что могу. Стараюсь. И если кто-то злится только потому, что его просят уплатить за услуги, – не вижу, почему я должен вылезать из теплой постели и идти его врачевать.

В девяносто седьмом году железнодорожная компания провела ветку в миле от нашей главной площади, городской совет по этому случаю расширил границы Фив, и к нам пришла железная дорога. А следом и телеграф – теперь «Лайл Каунти лидер» получал новости прямо из Чикаго, но только раз в неделю, и «Канзас-Сити стар», которая приходила по почте, обычно опережала его. Добрался до нас и телефон Белла, хотя поначалу звонить можно было только с девяти утра до девяти вечера, за исключением воскресного утра: коммутатор разместился в гостиной вдовы Лумис и прекращал работу, когда вдова отсутствовала.

«Лидер» напечатал забойную передовицу «Новые времена». Отец нахмурился:

– Они тут пишут, что если соберут побольше подписей, то

скоро можно будет вызывать доктора по телефону в любое время. Ну конечно. Сейчас я езжу на ночные вызовы только в том случае, если больного так прихватит, что кто-то из домашних запряжет лошадь и приедет за мной.

А что будет, если меня станут извлекать из постели, покрутив ручку аппарата? Все начнут ее крутить – а для чего? Чтобы позвать меня к умирающему ребенку? Нет, Морин, – к тому, у кого заусеница задралась. Помни мои слова: телефон положит конец домашним визитам врачей. Не сегодня, не завтра, но скоро. Кто везет, того и погоняют... и вот увидишь: доктора вскоре откажутся посещать больных на дому.

Под Новый год я сказала отцу, что приняла решение: я хочу, чтобы он внес мое имя в Фонд Говарда.

В январе я уже приняла первого молодого человека из своего списка.

К концу марта я приняла уже всех семерых. И в трех случаях даже воспользовалась диванной привилегией... точнее, кушеткой в отцовском кабинете, запираясь там на ключ.

Мокрые фейерверки.

Все трое были вполне приличные молодые люди, но замуж? Нет.

Морин совсем уже было разочаровалась в этой затее, но в субботу второго апреля отец получил письмо из Роллы, штат Миссури:

Дорогой доктор.

Разрешите представиться. Мои родители – мистер и миссис Джон Адамс Смит из Цинциннати, штат Огайо. У моего отца там мастерская по изготовлению штампов и режущего инструмента. Я заканчиваю горный факультет Университета Миссури в Ролле. Ваше имя и адрес сообщил мне судья Орвилл Сперлинг из Толедо, штат Огайо, исполнительный секретарь Фонда Гаварда. Судья сказал также, что напишет Вам обо мне.

Если Вы дадите на то свое позволение, я заеду к Вам и миссис Джонсон в воскресенье семнадцатого апреля, чтобы просить Вас представить меня Вашей дочери мисс Морин Джонсон как возможного претендента на ее руку.

Буду счастлив дать Вам любые сведения о себе и ответить исчерпывающе и откровенно на все Ваши вопросы.

С нетерпением ожидаю Вашего ответа.

Остаюсь, сэр, Вашим преданным слугой,

Брайан Смит

– Ну вот, дочка, к тебе скачет твой рыцарь на белом коне.

– Лишь бы не о двух головах. Что проку, отец. Я умру старой девой девяноста семи лет.

– Надеюсь, не слишком сварливой. Что мне ответить мистеру Смиту?

– Да пусть приезжает. Напишите, что я пускаю слюни от нетерпения.

– Морин!

– О да. Я слишком молода, чтобы быть циничной. Знаю. *Quel dommage*³⁹. Я напрягусь и одарю мистера Брайана Смита самой лучезарной своей улыбкой, а встречи с ним буду ждать с радостным оптимизмом. Он у меня, правда, немного увял. Тот последний орангутанг... – (Он пытался изнасиловать меня прямо на матушкином диване, как только родители поднялись наверх. Но ему пришлось быстро отступить, схватившись за пах, – пригодилось мое знание анатомии.) – Напиши, что мы будем рады ему. Воскресенье семнадцатого – это через две недели.

Я ожидала этого воскресенья с умеренным энтузиазмом. Правда, в церковь все-таки не пошла, приготовила провизию для пикника и, пользуясь случаем, помылась. Мистер Смит оказался приемлемым молодым человеком с правильной речью, хотя дух от него не захватывало. Отец немножко попытал его, мать предложила ему кофе, и часам к двум мы с ним поехали на прогулку в нашей двуколке, на Дэйзи, поставив его взятую напрокат лошадку в сарай.

Три часа спустя я была убеждена, что влюбилась.

Брайан договорился, что первого мая приедет опять. В промежутке ему предстояло сдать выпускные экзамены.

В следующее воскресенье, 24 апреля 1898 года, Испания

³⁹ Какая жалость (*фр.*).

объявила войну Соединенным Штатам⁴⁰.

⁴⁰ Испано-американская война действительно началась в этом году, но объявляла ее не Испания. Поводом послужил взрыв на рейде в Сантьяго американского броненосца «Мейн» по невыясненным причинам. Соединенные Штаты заявили, что его потопили испанцы, и объявили Испании войну, после чего начали военные действия на Кубе и Филиппинах, формально поддержав освободительную борьбу этих колоний против испанского гнета, а на деле произведя оккупацию Кубы.

Изгнание из Эдема

Тюрьма как тюрьма, бывает и хуже. Как, например, та, в Техасе, в которой я сидела семьдесят с чем-то лет назад по своему личному времени. Там тараканы сражались за ничтожный шанс подобрать пару крошек с пола, горячей воды отродясь не бывало, а вся охрана приходилась родней шерифу. Тем не менее мексиканские нищие то и дело переправлялись тайком из Рио и били в городе стекла, чтобы попасть в эту тюрьму и подкормиться за зиму. Это кое-что говорило о мексиканских тюрьмах, нечто такое, о чем и думать не хочется.

Пиксель навещает меня почти каждый день. Охранники не могут понять, как это ему удастся. Они все его полюбили, ну и он снисходит кое до кого. Они таскают ему разные вкусности, которые он порой соглашается отведать.

Начальник, проведав о гудиниевских талантах ⁴¹ Пикселя, посетил мою камеру как раз тогда, когда тот пришел, попытался его погладить и был оцарапан за бесцеремонность – не до крови, но достаточно, чтобы прояснить ситуацию.

Начальник сказал (приказал) мне предупредить его заго-

⁴¹ *Гарри Гудини* – знаменитый американский иллюзионист, мастерски освоившийся из оков, закрытых помещений и т. п.

дя, когда Пиксель будет входить или выходить; он хочет понять, как это Пиксель проникает в камеру, не потревожив сигнализацию. Я сказала ему, что ни один смертный не способен предсказать, что сделает кот в следующий момент, так что нечего тут ошиваться. (Охранники и надзиратели – люди по-своему неплохие, но начальник стоит ниже меня на социальной лестнице. Видимо, Пиксель тоже это понимает.)

Пару раз заходил доктор Ридпат, уговаривал меня признать свою вину и положиться на милость суда. Говорил, что трибунал, конечно, осудит меня условно, если убедится в моем искреннем раскаянии.

Я сказала ему, что невиновна и предпочту *cause célèbre*⁴², а потом продам свои мемуары за бешеные деньги.

Мне, должно быть, неизвестно, заметил он, что Епископская Коллегия недавно приняла закон, согласно которому все имущество лиц, осужденных за святотатство, передается в церковь после оплаты погребения осужденного.

– Послушайте, Морин, я вам друг, хотя вы этого, кажется, не понимаете. Но ни я, ни кто другой не смогут ничего для вас сделать, если вы отказываетесь от помощи.

Я поблагодарила его и сказала, что мне жаль его разочаровывать. Он посоветовал мне хорошенько подумать и не поцеловал на прощанье, из чего я заключила, что он и вправду мной недоволен.

Дагмар бывает почти ежедневно. Она не пыталась скло-

⁴² Дословно: «знаменитый судебный процесс» (*фр.*).

нить меня к покаянию, зато сделала то, что тронуло меня сильнее, чем все увещевания доктора Ридпата: принесла мне «последнего друга».

– Если решила молчать, он поможет. Отломи только наконечник и впрысни все равно куда. Когда он подействует – минут через пять, – тебя даже поджаривание на медленном огне не проймет. Но ради святой Каролины, лапочка, постарайся, чтобы его у тебя не нашли!

Постараюсь.

Я не диктовала бы эти мемуары, не окажись в тюрьме. Не то чтобы я в самом деле собиралась их публиковать, но не мешает разложить все по полочкам, – может, тогда я пойму, где ошибалась, и придумаю, как выпутаться из этой переделки и жить дальше.

Битва при Новом Орлеане состоялась через две недели после окончания войны 1812 года⁴³ – так медленно тогда распространялись новости. Но в 1898 году уже действовал Атлантический кабель. Известие о том, что Испания объявила нам войну, дошло до Фив из Мадрида через Лондон, Нью-Йорк и Канзас-Сити почти что со скоростью света, если не считать задержек на передачу. Разница во времени между Мадридом и Фивами – восемь часов, поэтому семейство

⁴³ Имеется в виду Англо-американская война 1812–1814 гг., вызванная стремлением Великобритании к подрыву экономики и торговли США, с одной стороны, и стремлением США захватить Канаду – с другой. Особых последствий эта война не имела.

Джонсон находилось в церкви, когда пришла ужасная вестъ.

Преподобный Кларенс Тимберли, пастор нашей методистской епископальной церкви памяти Сируса Вэнса Паркера, читал проповедь, и только он покончил с «в-четвертых» и углубился во «в-пятых», как зазвонил большой колокол на здании окружного суда. Брат Тимберли прервал проповедь: – Сделаем перерыв, чтобы пожарники могли покинуть храм.

Около десятка мужчин помоложе встали и вышли. Отец взял свой саквояж и последовал за ними. Он не состоял в добровольной пожарной команде, но как врач обычно присутствовал на пожаре, если только не занимался больным в тот момент, когда били в набат.

Как только за отцом закрылась дверь, проповедник снова взялся за свое «в-пятых» – о чем он толковал, сказать не могу: на проповеди я всегда принимала внимательный, заинтересованный вид, но слушала редко.

Тут на Форд-стрит послышались какие-то крики – их не мог заглушить даже громкий голос брата Тимберли. Они раздавались все ближе и ближе.

Вдруг в церковь снова вошел отец и, не садясь на свое место, приблизился к кафедре и протянул пастору газетный лист.

Надо сказать, что «Лайл Каунти лидер» была четырехполосной газетой и выходила на так называемых котельных листах»: на одной стороне таких листков печатались междуна-

родные, общегосударственные новости и новости штата, потом они доставлялись в редакцию правительственных газет, которые заполняли внутренний разворот своими, местными новостями и объявлениями. «Лайл Каунти лидер» покупала «котельные листы» у «Канзас-Сити стар», а сверху впечатывала собственную шапку.

В газете, которую отец подал брату Тимберли, на внутренних страницах было напечатано то же, что и в прошлом номере, вышедшем, как и полагалось, в четверг, 21 апреля 1898 года, только вверху на второй полосе крупным шрифтом было набрано:

ИСПАНИЯ ОБЪЯВЛЯЕТ ВОЙНУ!

(По телеграфу из «Нью-Йорк джорнэл») 24 апреля,
Мадрид

Сегодня наш посол был вызван к премьер-министру Испании, где ему вручили выездной паспорт и краткую ноту, гласившую, что «преступная деятельность» Соединенных Штатов против Его Католического Величества вынуждает правительство Его Величества заявить, что Испанское королевство и США находятся в состоянии войны.

Преподобный Тимберли прочел это сообщение с кафедры вслух, отложил газету, окинул нас торжественным взглядом, достал носовой платок, вытер лоб, высморкался и сказал хрипло:

– Давайте помолимся.

Отец встал, и его примеру последовали все прихожане. Брат Тимберли просил Господа нашего Иегову не оставить нас в час испытаний. Просил его ниспослать мудрость президенту Маккинли⁴⁴. Просил помочь всем нашим храбрецам на суше и на море, что готовятся вступить в бой за священную, Богом им данную землю. Просил упокоить души тех, кто падет в бою, и утишить горе вдов, сирот, отцов и матерей тех юных героев, коим суждено погибнуть. Просил, чтобы восторжествовала истина, положив скорый конец этой войне.

Просил за наших друзей и соседей, несчастных кубинцев, столь долго страдавших под железной пятой испанского короля. И так далее и так далее – минут двадцать.

Отец давно излечил меня от христианской веры. Вместо нее у меня возникло глубокое подозрение, посеянное профессором Гексли и возвращенное отцом, что такого человека, как Иисус из Назарета, никогда не существовало.

Что до брата Тимберли, то на него я смотрела как на источник шума, у которого из всех пор сочится елей. Как и многие проповедники Библейского Пояса⁴⁵, он был фермерским сыном, питавшим, как я подозревала, отвращение к на-

⁴⁴ Уильям Маккинли (1843–1901) – двадцать пятый президент США (1897–1901). Именно правительство Маккинли развязало Испано-американскую войну 1898 г., санкционировало оккупацию Кубы и Филиппин, захват острова Гуам. Был убит анархистом при посещении Панамериканской выставки в Буффало.

⁴⁵ То есть южных и центральных районов США, где наиболее распространена протестантская религия.

стоящей работе.

Я не верила и сейчас не верю в Бога на небесах, который слушает слова брата Тимберли.

И все же поймала себя на том, что отвечаю «аминь» на каждое его слово и слезы текут у меня по щекам.

А сейчас я влезу на ящик из-под мыла⁴⁶.

В двадцатом столетии григорианского календаря среди «интеллектуалов» Соединенных Штатов Америки вошел в моду так называемый «пересмотр истории», или ревизионизм. Основной идеей этого учения было то, что участники исторических событий не имеют понятия, что и зачем они делают, и не понимают, что они всего лишь марионетки в руках неведомых злых сил.

Может быть, так и есть – не знаю.

Только почему народ и правительство Соединенных Штатов в глазах ревизионистов выглядят как негодяи? Почему бы нашим врагам – королю Испании, кайзеру, Гитлеру, Херонимо⁴⁷, Вилье⁴⁸, Сандино⁴⁹, Мао Цзедуну и Джефферсону

⁴⁶ Некогда такие ящики служили уличным ораторам импровизированной трибуной, поэтому этим выражением начали обозначать переносную трибуну.

⁴⁷ *Херонимо* – известный бандит, орудовавший на Крайнем Западе США.

⁴⁸ *Панчо Вилья* (1878–1923) – мексиканский революционный лидер, который сражался против режима Порфирио Диаса и Викторiano Хуэрты.

⁴⁹ *Аугусто Сесар Сандино* в 1926–1933 гг. возглавлял национально-освободительную борьбу Никарагуа против США.

Дэвису⁵⁰ – тоже не постоять немножко у позорного столба? Почему всегда мы?

Да, я знаю – ревизионисты утверждают, будто Испано-американскую войну устроил Уильям Рэндолф Херст⁵¹, чтобы увеличить тиражи своих газет. И знаю, что многие ученые и эксперты придерживаются мнения, будто американский крейсер «Мэйн» в порту Гаваны взорвали, погубив при этом двести двадцать шесть жизней, некие злодеи с целью очернить Испанию в глазах американцев и тем подготовить их к войне.

Вы хорошо меня слушаете? Я сказала: я знаю, что такие мнения высказывались. Я не говорила, что они верны.

Бесспорно то, что официальные круги Соединенных Штатов весьма откровенно указывали испанскому правительству

⁵⁰ *Джефферсон Дэвис* возглавлял Конфедерацию южных штатов, выступление которых привело к Гражданской войне 1861–1865 гг.

⁵¹ *Уильям Рэндолф Херст* (1864–1951) – издатель, основатель крупного газетного концерна. С его именем связано появление таких понятий, как «желтая пресса», Public Relations и «медиамагнат». Перед вторжением США на Кубу Херст не только в сильно преувеличенном виде расписывал зверства испанских войск на Кубе, но и прямо вмешивался во внутренние дела другого государства, а в начале 1898 г. на страницах *Journal* было опубликовано выкраденное частное письмо испанского посла, где содержалась нелестная характеристика президента США Уильяма Маккинли. Когда корреспондент *Journal* телеграфировал Херсту: «Здесь все тихо, никакой войны нет», тот ответил: «Обеспечьте иллюстрации, а войну я обеспечу». Когда 15 февраля 1898 г. в порту Гаваны взорвался американский броненосец «Мэйн», даже пошли слухи, что этот взрыв, ставший поводом для начала испано-американской войны, организовал Херст. Через две недели после взрыва «Мэйна» тираж *Journal* вырос до 5 млн экземпляров.

на угнетенное положение кубинцев. Верно и то, что Уильям Рэндолф Херст в своих газетах публиковал весьма неприятные вещи об испанском правительстве. Но Херст – еще не Соединенные Штаты, и у него не было ни пушек, ни кораблей, ни власти. А был только громкий голос и полное отсутствие уважения к тиранам. Тираны таких людей не выносят.

Эти мазохисты-ревизионисты представили войну 1898 года как империалистическую агрессию Соединенных Штатов. Как могла империалистическая война привести к освобождению Кубы и Филиппин, остается неясным. Но ревизионисты всегда первым делом заявляют, что виноваты Соединенные Штаты. Если историку-ревизионисту удастся это доказать (не без помощи логической подтасовки), то докторская степень ему обеспечена, и он на верном пути к Нобелевской премии мира.

В апреле 1898 года нам, темным провинциалам, было понятно только одно: уничтожен наш крейсер «Мэйн», погибло много моряков, Испания объявила нам войну, президент созывает добровольцев.

На другой день, в понедельник двадцать пятого апреля, пришло президентское воззвание: он обращался к народу с просьбой собрать сто двадцать пять тысяч добровольцев из рядов народного ополчения Штатов, чтобы пополнить нашу почти не существующую армию. Утром Том, как обычно, уехал в свою Академию Батлера. Воззвание застало его там,

и в полдень он прискакал обратно – его чалый меринок Красавчик Браммел был весь в мыле. Том попросил Фрэнка обтереть Красавчика и уединился с отцом в кабинете. Минут через десять они вышли, и отец сказал матери:

– Мадам, наш сын Том желает записаться в добровольцы, чтобы послужить своей стране. Сейчас мы с ним поедem в Спрингфилд. Я должен присягнуть, что ему восемнадцать и он получил родительское согласие.

– Но ему же еще нет восемнадцати!

– Вот потому-то мне и надо с ним поехать. Где Фрэнк? Я хотел, чтобы он запряг Бездельника.

– Давайте я запрягу, отец, – вмешалась я. – Фрэнк только что убежал в школу, он опаздывает. – (Опаздывал он из-за того, что провозился с Красавчиком, но об этом я умолчала.)

Отец заколебался. Я настаивала:

– Бездельник меня знает, сэр, и никогда не причинит мне вреда.

Вернувшись в дом, я увидела отца у нашего нового телефона, который висел в холле, служившем приемной для пациентов.

– Да, понимаю, – говорил он. – Удачи вам, сэр, и храни вас Бог. Я скажу ей. До свидания. – Он отвел трубку от уха, посмотрел на нее и лишь потом вспомнил, что ее надо повесить. Потом заметил меня. – Это звонили тебе, Морин.

– Мне? – Такое случилось впервые.

– Да. Твой молодой человек, Брайан Смит. Извиняется за

то, что не сможет приехать в следующее воскресенье. Сейчас едет в Сент-Луис, а оттуда в Цинциннати, чтобы записаться в ополчение от штата Огайо. Просит разрешения приехать к тебе, как только закончится война. Я дал согласие от твоего имени.

– О-о. – У меня закололо в груди, и стало трудно дышать. – Спасибо, отец. А нельзя ли мне позвонить ему, то есть в Роллу, и самой поговорить с мистером Смитом?

– Морин! – воскликнула мать.

– Мама, я не навязываюсь и не веду себя недостойно. Это совсем особый случай. Мистер Смит уходит сражаться за нас. Я просто хочу ему сказать, что буду молиться за него каждый вечер.

– Хорошо, Морин, – мягко ответила мать. – Если будешь с ним говорить, то скажи ему, пожалуйста, что я тоже буду молиться за него. Каждый вечер.

– Дамы... – кашлянул отец.

– Да, доктор?

– Ваша дискуссия носит чисто теоретический характер. Мистер Смит сказал мне, что у него всего одна минута, потому что к телефону стоит целая очередь студентов. С такими же сообщениями, полагаю. Так что звонить бесполезно – там будет занято, а он сейчас уедет. Что отнюдь не мешает вам, леди, молиться за него. Можешь написать ему об этом в письме, Морин.

– Но я не знаю, куда писать!

– А голова тебе на что, дочка? Подумай хорошенько. Ты можешь это сделать тремя способами.

– Доктор Джонсон, прошу вас. – И мать ласково сказала мне: – Судья Сперлинг должен знать.

– Судья Сперлинг? О!

– Да, дорогая. Судья Сперлинг всегда знает, где находится каждый из нас.

Вскорости мы все поцеловали Тома и заодно отца, хотя он-то должен был вернуться и заверял нас, что Том, скорее всего, вернется тоже: его только запишут и скажут, в какой день явиться. Не может же ополчение штата разместить больше тысячи людей разом.

Они уехали. Бет тихо плакала, а Люсиль нет – вряд ли она что-нибудь понимала, только посерьезнела и глазенки стали круглыми. И мы с матерью не плакали... в тот момент. Но она ушла к себе и закрыла дверь. Я тоже. У меня была отдельная комната с тех пор, как Агнес вышла замуж, и я закрылась на засов, легла на кровать и выплакалась.

Я пыталась внушить себе, что плачу по брату. Но это из-за мистера Смита у меня так болело сердце.

Я от души жалела, что неделю назад, занимаясь со мной любовью, он использовал «французский мешочек». А ведь было у меня искушение – я знала, уверена была, что гораздо лучше без этой резинки, лучше, когда обнажаешься совсем – и снаружи, и изнутри.

Но я торжественно обещала отцу, что всегда буду предо-

храняться... вплоть до того дня, когда, трезво обсудив вопрос со своим мужчиной, решусь завести ребенка – и твердо условлюсь вступить с этим мужчиной в брак, если ребенок получится.

А теперь он уходит на войну... и, может быть, я никогда больше его не увижу.

Я осушила глаза, встала и взяла томик стихов – «Золотую сокровищницу», составленную профессором Палгрейвом. Мать подарила мне ее на день рождения в двенадцать лет, а ей эту книгу тоже подарили в двенадцать лет, в 1866 году.

Профессор Палгрейв отобрал для своей «Сокровищницы» двести восемьдесят восемь лирических стихотворений, отвечающих его изысканному вкусу. Сейчас мне нужно было только одно: Ричард Лавлейс, «К Лукасте, уходя на войну».

Я не любил бы так тебя,
Не будь мне честь дороже.

Потом я поплакала еще немного и уснула. Проснувшись, встала и не дала больше воли слезам, а просунула матери под дверь записку, что сама приготовлю всем ужин, а она может поужинать в постели, если хочет.

Мать позволила мне приготовить ужин, но сошла вниз и села во главе стола. Фрэнк впервые в жизни усадил ее и разместился напротив. Она посмотрела на меня:

– Прочтешь молитву, Морин?

– Да, мама. Благодарим тебя, Господи, за то, что Ты послал нам пищу сию. Да будет благословенна она, и да будут благословенны все наши братья и сестры во Христе, известные нам и неизвестные. – Я перевела дух и продолжала: – А ныне мы молим Тебя сохранить нашего возлюбленного брата Томаса Джефферсона и всех других молодых людей, ушедших защищать нашу любимую родину. – (Et je prie que le bon Dieu garde bien mon ami!⁵²) – Во имя Иисуса. Аминь.

– Аминь, – твердо повторила мать. – Фрэнклин, нарежешь жаркое?

Отец с Томом вернулись на другой день, ближе к вечеру. Бет и Люсиль повисли на них – я тоже хотела, но не могла: держала на руках Джорджа, который именно в этот момент намочил пеленку. Но пришлось ему подождать: я не собиралась ничего пропускать. Подложила снизу под него еще одну пеленку, вот и все. Я знала Джорджа: этот ребенок писал больше, чем все остальные вместе взятые.

– Ты это сделал, Томми, – спрашивала Бет, – сделал, сделал, да?

– Конечно, – ответил отец. – Теперь он рядовой Джонсон, а на той неделе будет генералом.

– Правда?

– Ну, может быть, не так скоро. – Отец нагнулся поце-

⁵² И молю тебя, Боже, сохрани моего друга! (*фр.*)

ловать Бет и Люсиль. — Но на войне быстро продвигаются. Взять, к примеру, меня — я уже капитан.

— Доктор Джонсон!

Отец вытянулся:

— Капитан Джонсон, мадам. Мы оба записались. Я теперь военврач медицинской части Второго Миссурийского полка в звании капитана.

Тут я должна рассказать кое-что о семьях моих родителей, особенно о братьях и сестрах моего отца, — ведь все, происходившее в Фивах в апреле 1898 года, уходит корнями в прошлый век.

Мои прадеды и прабабки со стороны отца:

Джордж Эдвард Джонсон (1795–1897) и Аманда Лу Фредерикс Джонсон (1798–1899);

Теренс Макфи (1796–1900) и Роуз Вильгельмина Брандт Макфи (1798–1899).

И Джордж Джонсон, и Теренс Макфи участвовали в войне 1812 года.

Родители моего отца:

Эйза Эдвард Джонсон (1813–1918) и Роуз Альтеда Макфи Джонсон (1814–1918).

Эйза Джонсон участвовал в Мексиканской войне в качестве сержанта Иллинойского ополчения.

Мои прадеды и прабабки со стороны матери:

Роберт Пфайфер (1809–1909) и Хайди Шмидт Пфайфер

(1810–1912);

Оле Ларсен (1805–1907) и Анна Кристина Хансен Ларсен (1810–1912).

Родители моей матери:

Ричард Пфайфер (1830–1932) и Кристина Ларсен Пфайфер (1834–1940).

Мой отец родился на ферме своего деда в Миннесоте, округ Фриборн, близ Элберта, в понедельник 2 августа 1852 года. Он был самым младшим из семи детей – четырех мальчиков и трех девочек. Его дед Джордж Эдвард Джонсон, мой прадед, родился в 1795 году в округе Бакс, штат Пенсильвания. Умер он в Миннесотской лечебнице, и газеты носились с фактом, что он родился еще при жизни Джорджа Вашингтона. (Мы к этой шумихе не имели отношения. Я ничего не знала о политике Фонда, пока не вышла замуж, но даже тогда Фонд Говарда старался не разглашать возраста своих старейшин.)

Джордж Эдвард Джонсон в 1815 году женился на Аманде Лу Фредерикс (1798–1899) и увез ее в Иллинойс, где она в том же году родила первенца, моего деда Эйзу. Похоже, дедушка Эйси был из тех же «недоношенных», что и мой старший брат Эдвард. После Мексиканской войны Джонсоны переехали на Запад и обосновались в Миннесоте.

Фонда Говарда в те дни еще не существовало, но все мои предки вступали в брак смолodu, имели множество детей, от-

личались крепким здоровьем, не поддавались опасным поветриям того времени и жили долго – до ста лет и больше.

Эйза Эдвард Джонсон (1813–1918) женился на Роуз Альтеде Макфи (1814–1918) в 1831 году. У них было семь детей.

1. Саманта Джейн Джонсон (1831–1915) – погибла, объезжая лошадь.

2. Джеймс Эвинг Джонсон (1833–1884) – погиб, пытаясь переправиться через Осейдж во время половодья. Я его едва помню. Он был женат на тете Кароль Пеллетье из Нового Орлеана.

3. Уолтер Рейли Джонсон (1838–1862) – убит при Шайло.

4. Элис Айрин Джонсон (1840–?) – не знаю, что стало с тетей Элис. Она вышла замуж и уехала куда-то на восток.

5. Эдвард Макфи Джонсон (1844–1884) – погиб при железнодорожной катастрофе.

6. Аврора Джонсон (1850–?) – последнее известие о ней пришло из Калифорнии около 1930 года. Была замужем несколько раз.

7. Айра Джонсон (2 августа 1852–1941) – пропал без вести в битве за Британию.

Когда в апреле 1861 года пал форт Самтер, мистер Линкольн призвал добровольцев из ополчения нескольких штатов (как поступит и мистер Маккинли в далеком будущем апреле). На ферме Джонсонов в округе Фриборн, штат Миннесота, на призыв откликнулись Эвинг, двадцати восьми лет,

Уолтер, двадцати трех, Эдвард, семнадцать, и дедушка Эйси, которому в ту пору было сорок восемь. Это глубоко унизило девятилетнего Айру Джонсона, считавшего себя взрослым мужчиной. Как это так – он должен работать на ферме, когда все прочие мужчины уходят на войну. Хозяйничать остались сестра Саманта, муж которой тоже ушел добровольцем, и мать.

Айру мало утешило то, что отец вернулся почти сразу – его забраковали, не знаю за что.

Юный Джонсон терпел это унижение три долгих года... а двенадцати лет убежал из дома, чтобы записаться в барабанщики.

Он спустился по Миссисипи на барже и умудрился отыскать Второй Миннесотский полк еще до того, как начался шермановский поход к морю. Его кузен Джайлс поручился за него, мальчика приняли на обучение – он ничего не смыслил в искусстве барабанного боя – и поставили на довольствие в штабную роту.

Но тут за ним явился отец и увез беглеца домой.

Так что отец пробыл на войне всего три недели и ни разу не побывал в бою. И даже эти три недели ему не засчитали, в чем он убедился, попытавшись вступить в Союз ветеранов Республиканской армии.

Его послужной список не сохранился, поскольку полковой адъютант попросту отпустил его домой с дедушкой Эйси, порвав все бумажки.

Предполагаю, что дедушка задал отцу грандиозную трепку.

За те девять дней, что отец с Томом провели дома перед тем, как отправиться в армию, я ни разу не видела, чтобы мать выразила отцу свое неодобрение – только в тот первый миг она не удержалась от удивленного восклицания. Но с тех пор она ни разу не улыбнулась. Чувствовалось, что между родителями неладно... но при нас они этого старались не показывать.

Только один раз отец сказал мне что-то, что, как мне кажется, имело отношение к возникшему между ними напряжению. Мы были в его кабинете. Я помогала ему почистить и привести в порядок карты его пациентов, чтобы передать их доктору Чедвику на время войны.

– Где твоя улыбка, Индюшачье Яичко? – спросил отец. – Волнуешься за своего молодого человека?

– Нет, – солгала я. – Он должен был пойти, я знаю. Но я не хотела бы, чтобы уходили вы. Наверное, это эгоистично, но я буду скучать по вас, cher para.

– И я по тебе. По всем вам. – Отец помолчал и добавил: – Морин, когда-нибудь и ты можешь испытать... думаю, наверняка испытаешь... что это такое, когда твой муж уходит на войну. Некоторые, я слышал, говорят, будто женатым людям на войне не место: у них ведь семьи. Но в этом кроется фатальное противоречие. Семейный человек не смеет оста-

ваться в стороне и смотреть, как холостяк сражается за него. С моей стороны было бы нечестно надеяться, что холостяк умрет за моих детей, если я сам не желаю за них умирать. Если все семейные будут отсиживаться дома, то и холостые откажутся сражаться – чего ради они должны прикрывать женатых? И Республика будет обречена – никто не помешает варварам вторгнуться в нее. – Отец озабоченно смотрел на меня. – Ты же понимаешь, да? – Мне кажется, он искренне хотел тогда знать мое мнение, искал моего одобрения.

– Я... – Я запнулась и вздохнула. – Да, отец, думаю, что понимаю. Но в такие времена еще острее ощущаешь свою неопытность. Я хочу одного – чтобы война поскорее кончилась и вы вернулись домой, и Том, и...

– Брайан Смит? Согласен.

– Да, и он. Но сейчас я подумала о Чаке. О Чаке Перкинсе.

– Он тоже идет? Молодец!

– Да, он мне сказал сегодня. Его отец дал согласие и завтра едет с ним в Джоуплин. – Я смахнула слезу. – Пусть я и не люблю Чака, но у меня к нему особое чувство.

– И неудивительно.

В тот же день я позволила Чаку отвезти меня на Марстонский холм, презрев клещей и миссис Гранди. Я сказала, что горжусь им, и приложила все мое умение, чтобы это доказать. (Но я предохранялась – ведь я обещала отцу.) И тут случилось нечто удивительное. Я пошла с Чаком, только чтобы позаниматься гимнастикой и тем самым продемонстри-

ровать, что я горжусь им и ценю его готовность сразиться за нас. Но произошло чудо. Фейерверк, да какой! У меня все поплыло перед глазами, я зажмурилась и поняла, что издаю громкие звуки.

А полчасика спустя чудо повторилось. Удивительно!

На следующее утро Чак со своим отцом уехал на поезде в восемь ноль шесть из Батлера, и в тот же день они вернулись – Чак принял присягу и вступил в ту же роту, что и наш Том (роту Си Второго полка), и ему дали такую же отсрочку. Поэтому мы с Чаком отправились в другое (достаточно безопасное) место, и я еще раз с ним попрощалась, и чудо свершилось снова.

Я не влюбилась в него, нет. У меня перебивало достаточно мужчин, чтобы я научилась отличать здоровый оргазм от любви до гроба. Я просто радовалась тому, что нам так хорошо, и решила прощаться с Чаком, пока можно, почаще и погорячее – будь что будет. Чем мы и занимались всю неделю, пока не распростились окончательно – и навсегда.

Чак больше не вернулся домой. Нет, он не погиб в бою – он так и не выбрался из Чикамауга-Парка в Джорджии. Его унесла то ли малярия, то ли желтая лихорадка, а может, и тиф. От этих болезней у нас умерло солдат в пять раз больше, чем погибло в боях. И все они тоже герои. Разве не так? Они пошли в добровольцы, они были готовы сражаться... И они

не подхватили бы заразу, если бы остались дома, не ответив на призыв.

Тут я снова собираюсь встать на ящик из-под мыла. В двадцатом веке я то и дело сталкивалась с людьми, которые или вообще не слышали о войне 1898 года, или не придавали ей никакого значения. «А-а, эта... Это ведь была ненастоящая война, так – заварушка. А что с ним приключилось? Подвернул ногу, когда бежал с Сан-Хуанского холма?»

(Убила бы их всех! А одному выплеснула-таки сухой мартины в рожу.)

Это все равно, на какой войне погибнуть, – ведь смерть приходит к каждому только раз.

И потом, летом 1898 года мы не знали, что война скоро кончится. Соединенные Штаты не были сверхдержавой – они вообще не входили в число крупных держав, а Испания тогда еще считалась великой империей. Наши мужчины вполне могли уйти от нас на долгие годы... и не вернуться. О войнах мы судим по кровавой трагедии 1862–1865 годов, а та война началась в точности как эта – с того, что президент призвал ополченцев. По словам старших, никому даже и не снилось, что мятежные штаты – которых было наполовину меньше северных, в которых было наполовину меньше населения и полностью отсутствовала тяжелая промышленность, необходимая для современной войны, – что эти штаты продержатся четыре долгих, тяжелых года, наполненных смертью.

Умудренные горьким опытом, мы не тешили себя надеждой, что сумеем легко и быстро победить Испанию. Мы молились только о том, чтобы наши мужчины вернулись домой – хоть когда-нибудь.

И настал день, пятое мая, когда наши мужчины уехали – военным эшелоном, который шел из Канзас-Сити с заходом в Спрингфилд, потом в Сент-Луис, потом на восток, в Джорджию. Мы все поехали в Батлер провожать их: отец с матерью впереди, в его двуколке, запряженной Бездельником, а остальные следом за ними в «суррее», которым обычно пользовались только по воскресеньям. Том правил Дэйзи и Красавчиком. Подошел поезд, мы торопливо попрощались – уже кричали: «По ваго-о-нам!» Отец передал Бездельника Фрэнку, а мне достался «суррей» с детворой.

Но поезд отбыл не сразу – кроме солдат, надо было погрузить еще и багаж. И все время, пока он стоял, на платформе в середине состава духовой оркестр, предоставленный Третьим полком Канзас-Сити, играл военную музыку.

Они играли «Я видел славу», а следом «Хочу я на родину, в хлопковый край», а потом «Ставь палатки поживей» и «В кепи перышко воткнул и брякнул – макаронина!». Потом заиграли «Когда в темнице я сидел», и тут паровоз дал гудок, поезд тронулся, и музыканты стали прыгать с платформы и садиться в соседний вагон – тому, кто играл на трубе, пришлось помочь.

Мы отправились домой, и в ушах у меня все звучало: «Ать-два, ать-два, вперед, вперед, ребята» и начало той печальной песни «Когда в темнице я сидел». Позднее кто-то сказал мне, что автор слов сам не знал, что сочиняет, – в лагерях для военнопленных такой роскоши, как темницы, не бывает. Взять хоть Андерсонвилл⁵³.

Как бы то ни было, этого оказалось достаточно, чтобы мои глаза затуманились и я ничего не видела. Но это не имело значения: Красавчик и Дэйзи справились бы и без меня. Я знала, что стоит лишь ослабить поводья и они отвезут нас домой. Так они и сделали.

Я помогла Фрэнку распрячь обе повозки, а потом поднялась наверх. Не успела я закрыть дверь, как ко мне вошла мать.

– Да, мама?

– Морин, можно мне взять почитать твою «Золотую сокровищницу»?

– Конечно. – Я достала томик из-под подушки. – Номер восемьдесят три, мама, страница шестьдесят.

Она удивилась и стала листать страницы.

– Так и есть, – согласилась она. – Мы с тобой должны быть стойкими, дорогая.

– Да, мама, должны.

⁵³ Так назывался лагерь для военнопленных северян во время Гражданской войны в штате Джорджия.

Кстати, о темницах: Пиксель только что явился в мою, с подарком. Он принес мне мышь. Мертвую мышь. Но еще теплую. Он счастлив и, видимо, ждет, что я ее сейчас скушаю. Смотрит на меня: почему же я не ем?

Ну и что прикажете делать?

«Когда солдат придет домой...»

Весь остаток 1898 года был сплошным кошмаром. Мужчины ушли на войну, и непонятно было, что же на этой войне творится. Это гораздо позже, шестьдесят с лишним лет спустя, злобредный глаз телевидения превратил войну во что-то вроде футбольного матча. Доходило до того (надеюсь все же, что это неправда), что атаки нарочно назначались на такое время, чтобы их можно было показать в прямом эфире в вечерних новостях. Сколько же горькой иронии в том, чтобы умереть вот так, на экране, как раз вовремя, чтобы комментатор успел сказать о тебе пару слов перед рекламой пива.

В 1898 году война еще не являлась «живьем» в наши гостиные. Нам стоило труда узнавать о событиях спустя много дней после того, как они происходили. Охраняет ли еще наш флот Восточное побережье, как того требовали конгрессмены восточных штатов, или отправился в Карибское море? Обогнул ли «Орегон» мыс Горн и успеет ли вовремя присоединиться к эскадре? Почему произошло второе сражение под Манилой? Разве мы не выиграли битву в Манильском заливе несколько недель назад?

В 1898 году я очень мало смыслила в военном деле и не понимала, что гражданское население и не должно знать, где

находится флот или куда движется армия. Я не знала, что все, ставшее достоянием публики, тут же становится известным вражеским агентам. Я не слыхала еще о том, что общество «имеет право знать». В Конституции это право не обозначено, но во второй половине двадцатого века оно стало прямо-таки священным. Так называемое «право знать» подразумевает, что если солдаты, моряки и летчики гибнут, то это, конечно, жаль, но делать нечего – лишь бы не нарушалось священное право общества «знать все».

Мне еще предстояло узнать, что ни конгрессменам, ни репортерам нельзя доверять жизнь наших мужчин.

Будем честны. Предположим, что девяносто процентов конгрессменов и репортеров – это порядочные люди. Значит, достаточно и десяти процентов дураков, безразличных к смерти героев, чтобы губить чужие жизни, проигрывать сражения и менять ход войны.

В 1898 году у меня еще не было таких мрачных мыслей. Потребовалась Испано-американская война, две мировые и еще две необъявленные «полицейские акции» (о господи!), чтобы я поняла наконец: ни нашему правительству, ни нашей прессе нельзя доверять человеческие жизни.

«Демократия хороша лишь тогда, когда рядовой член общества – аристократ. Но Бог, должно быть, ненавидит рядового человека: уж очень рядовым он его создал! Понимает ли ваш рядовой человек, что такое рыцарство? Или что положение обязывает? Знакомы ли ему правила аристократическо-

го поведения? Или личная ответственность за благополучие государства? Да с таким же успехом можно искать шерсть на лягушке».

Кто это сказал? Мой отец? Нет, не совсем. Я услышала эти слова около двух ночи в устричном баре «Бертон-Хауса» в Канзас-Сити после лекции мистера Клеменса, в январе 1898 года. Может быть, это сказал мой отец, может быть, мистер Клеменс, или они разделяли эту мысль, – память порой подводит меня после стольких лет.

Мистер Клеменс с моим отцом наслаждались устрицами, философией и бренди. Мне дали рюмочку портвейна. И портвейн, и устрицы были для меня внове – и ни то ни другое не понравилось. Аромат сигары мистера Клеменса тоже не прибавлял удовольствия.

(Я заверила мистера Клеменса, что обожаю запах хороших сигар: курите, пожалуйста. Это была ошибка.)

Но я бы вытерпела и больше, чем сигарный дым и устрицы, – лишь бы сидеть с ними в тот вечер. На трибуне мистер Клеменс выглядел точно так же, как на фотографиях: жизнелюбивый Сатана в ореоле белых волос и в прекрасно сшитом белом костюме. Вблизи он был на фут ниже, излучал обаяние и сделал меня еще более пылкой поклонницей, обращаясь со мной как со взрослой леди.

Мне уже давно пора было спать – приходилось щипать себя, чтобы не уснуть. Лучше всего мне запомнилась речь мистера Клеменса о кошках и рыжих – должно быть, тут же им

и сочиненная в мою честь: она нигде не публиковалась, даже в собрании сочинений, изданном Калифорнийским университетом через пятьдесят лет после его смерти.

А вы знаете, что мистер Клеменс тоже был рыжий? Но об этом речь впереди.

Весть о подписании мира дошла до Фив в пятницу двенадцатого августа. Мистер Барнаби, наш директор, собрал нас в актовом зале, объявил об этом и распустил по домам. Когда я прибежала домой, оказалось, что мать уже знает. Мы немножко поплакали друг у дружки на плече, пока Бет и Люсиль с криками носились вокруг. А потом взялись за неплановую генеральную уборку – вдруг отец, и Том, и мистер Смит (я не произносила этого вслух) вернутся на той неделе. Фрэнку было велено скосить траву и вообще навести во дворе порядок – не спрашивай как, а делай.

Воскресная служба в церкви была посвящена благодарственному молебствию. Преподобный Тимберли развел еще более пространные благоглупости, но никто не возражал, а я тем более.

После службы мать спросила:

– Ты пойдешь завтра в школу, Морин?

Я еще не думала об этом. Наш школьный комитет решил устроить летнюю школу – не только для тупиц из начальных классов, но и для старшеклассников, из патриотических побуждений: чтобы мальчики могли пораньше получить атте-

стат и пойти в армию. Я тоже записалась на занятия: и чтобы углубить свое образование, отказавшись от мысли о колледже, и чтобы заполнить щемящую пустоту внутри, вызванную уходом отца и Тома (и мистера Смита).

(Самыми длинными годами моей жизни были те, что я провела, поджидая мужчин с войны. В том числе и тех, кто не вернулся.)

– Еще не знаю, мама. Думаете, завтра будут занятия?

– Будут. Ты приготовила уроки?

(Она знала, что нет. Трудно было бы выучить греческие неправильные глаголы, скребя на коленях кухонный пол.)

– Нет, мэм.

– Да? А что сказал бы на это твой отец?

– Да, мэм, – вздохнула я.

– И не надо себя жалеть. Летняя школа – это твоя идея, и не нужно пренебрегать дополнительными занятиями. Ну-ка, марш. Сегодня я сама приготовлю ужин.

Они не вернулись на той неделе.

Они не вернулись на следующей неделе.

Они не вернулись в эту осень.

Они не вернулись в этот год.

Вернули домой только тело Чака. Гарнизон прислал стрелковый взвод, и я впервые присутствовала на военных похоронах и плакала в три ручья. Седовласый горнист сыграл Чарльзу: «В мире покойся, храбрый солдат, Бог с тобой».

Если я когда-нибудь и чувствую себя верующей, то лишь когда играют похоронный «отбой». И по сей день так.

Кончились занятия в летней школе, настал сентябрь, и передо мной возник вопрос: продолжать ли мне учиться, а если продолжать, то где? Я не желала сидеть дома и быть нянькой при Джордже. Раз мне нельзя поехать в Колумбию, то хотелось бы поступить в Академию Батлера, двухлетнюю частную школу – там давали гуманитарное образование, которое и в Колумбии, и в Лоуренсе засчитывалось как начальный курс. Я сказала матери, что сохранила свои подарочные деньги – и на Рождество, и на свой день рождения, и еще прикопила «яичных». «Яичными» назывались деньги, которые я заработала сама – ухаживая за соседскими детьми, торгуя в ларьке на ярмарке и так далее. Заработки мои были редки и невелики, но на обучение и на книги хватит.

– А как ты будешь добираться туда и обратно? – спросила мать.

– А Том как добирался?

– Не отвечай вопросом на вопрос, юная леди. Мы обе знаем, как ездил твой брат: в хорошую погоду – на двуколке, в плохую – верхом, а в совсем уж скверную оставался дома... Но твой брат – взрослый мужчина, а как собираешься ездить ты?

Я подумала. Двуколка – не проблема: при Академии имелась конюшня. Верхом? Я умела ездить почти не хуже бра-

тьев, но девушке не подобает являться в школу в комбинезоне, а дамское седло не годится для такой погоды, когда нельзя проехать в двуколке. И верхом ли, в повозке – с октября по март мне придется уезжать до света и возвращаться затемно.

В октябре 1898 года Сара Трuebas выехала на двуколке с отцовской фермы в Ричхилл, за четыре мили от них. Лошадь с повозкой вернулась домой, а Сару так и не нашли.

В нашей округе было спокойно – но самый опасный на свете зверь ходит на двух ногах и порой рыщет по деревенским проселкам.

– Я не боюсь, мама.

– Что посоветовал бы твой отец?

Я сдалась и приготовилась ходить в нашу школу еще один семестр, а то и следующий. Школа была меньше чем в миле от нас, и по дороге везде жили знакомые – только крикни. А главное, можно было заняться предметами, которые я не успела пройти. Я продолжила занятия греческим и латынью, начала учить дифференциальное исчисление и немецкий, а вместо обеда слушала курс геологии и истории средних веков. А в субботу утром, само собой, по-прежнему брала уроки фортепиано – первые три года меня учила мать, а потом решила, что мне нужна более подготовленная наставница. Музыка я обучалась «за так»: мисс Примзор задолжала отцу и за себя, и за свою престарелую больную мать.

Так что с начала осени я была при деле, и у меня оставалось еще немного времени, чтобы каждую неделю писать

письма мистеру Смиту (*сержанту* Смиту!) с обилием новостей, но без сантиментов – и отцу, и Тому, и Чаку... пока мне не вернули мое очередное письмо, а через неделю не привезли и самого Чака.

Я не встречалась с мальчишками или молодыми людьми, о которых стоило бы говорить. Те, что получше, ушли на войну; оставшиеся казались мне какими-то слюнтяями или совсем уж малолетками. Не то чтобы я стойко хранила верность мистеру Смиту. Он не просил меня об этом, и я тоже не ждала, что он будет хранить верность мне. У нас состоялось всего лишь одно – весьма успешное – свидание, но это еще не помолвка.

И я изменяла ему – правда, только с кузенком Нельсоном, который не в счет. У нас с Нельсоном имелась одна общая черта: оба мы были постоянно озабочены, как целое стадо коз, но с миссис Гранди обходились бережно, как лисица со своим выводком.

Я предоставляла ему выбирать время и место – он был прирожденный изобретатель. Во время свиданий мы удерживали друг друга от слишком бурных проявлений страсти, чтобы не потревожить миссис Гранди. Я вполне бы могла выйти за Нельсона – хотя он был моложе меня, – если бы не наше близкое родство. Он был очень славный мальчик (если не считать каверзы с лимонной меренгой).

Они не вернулись к Рождеству, зато домой вернулись еще

два мертвых тела. Я присутствовала на похоронах – в память о Чаке.

В январе пришел домой брат Том вместе со своим полком. Мать с Фрэнком поехали в Канзас-Сити встречать эшелон и смотреть парад. Пройдя маршем по Уолнат-стрит, полк опять поворачивал к вокзалу, где большинство солдат снова садились в вагоны и разъезжались по своим родным городкам. Я осталась дома с сестренками и Джорджем, в душе считая, что поступаю очень благородно.

Том привез матери письмо:

Миссис Айра Джонсон
Через любезное посредничество
капрала Томаса Джефферсона Джонсона
Рота Си Второго Миссурийского полка
Дорогая мадам!

Я надеялся вернуться домой тем же поездом, что и наш сын Томас. В самом деле, по условиям моего контракта, меня, как военврача ополчения, не имеют права задерживать на службе более ста двадцати дней после провозглашения мира, то есть дольше двенадцатого декабря или же шестого января – расхождение в датах законом допускается.

Однако должен с сожалением уведомить Вас, что главный врач армии обратился ко мне и всем моим коллегам с просьбой остаться на службе до тех пор, пока не представится возможность уволить нас в запас. И я дал согласие.

Мы уже считали, что нам удалось покончить

с опустошительными эпидемиями, что полевые госпитали можно свернуть и отослать оставшихся больных в Форт-Брегг. Однако после прибытия три недели назад больных и раненых из Тампы наши надежды рухнули.

Короче говоря, мадам, я нужен своим пациентам. Вернусь домой, как только главный врач сочтет возможным меня отпустить. Будем следовать духу клятвы Гиппократата, а не букве контракта.

Я верю, что Вы поймете меня, как всегда понимали.

Остаюсь преданный Вам

Ваш любящий муж

Доктор Айра Джонсон,

капитан медицинской службы

Мать не плакала при нас – и я тоже не плакала при других.

В конце февраля я получила письмо от мистера Смита... со штемпелем Цинциннати!

Дорогая мисс Морин!

К тому времени, как Вы получите это письмо, я уже сниму синюю армейскую форму и надену гражданское. Пока я пишу эти строки, наш Огайский батальон едет на запад.

Самое заветное мое желание – увидеться с Вами и вновь просить Вашей руки. С мыслью об этом я собираюсь провести несколько дней дома с родителями, а потом сразу же отправиться в Роллу, чтобы возобновить занятия. Хотя я и получил диплом в

прошлом апреле на шесть недель раньше срока, эта бумажка не возместит мне тех занятий, которые я недополучил. Так что я намерен наверстать упущенное и добавить еще немного для ровного счета – а в Фивах смогу бывать каждый уик-энд. (К чему этот хитрый тип и вел с самого начала!)

Могу ли я надеяться увидеть Вас в субботу четвертого марта и в воскресенье пятого? Открытка с ответом должна застать меня в колледже, но, если Вы не ответите, я буду считать, что Вы согласны.

Как медленно идет этот поезд!

Наилучшие пожелания Вашим родителям и привет всей семье.

В нетерпеливом ожидании четвертого числа
остаюсь преданный Вам

*Брайан Смит, бакалавр,
сержант саперного батальона
ополчения штата Огайо*

Я перечитала письмо еще раз и задержала дыхание, чтобы успокоить сердце. Потом пошла к матери и дала прочесть ей. Она прочла и улыбнулась:

– Счастлива за тебя, дорогая.

– Может быть, написать ему, чтобы подождал, пока не вернется отец?

– Твой отец уже выразил одобрение мистеру Смиту... и я присоединяюсь. Мы будем ему рады. Пусть приезжает. – Мать задумалась. – Попроси его, пожалуйста, если можно, взять с собой военную форму.

– Да?

– Ну конечно. Чтобы он мог ее надевать по воскресеньям в церковь. Думаю, тебе будет приятно.

– Еще бы! Как Том в его первое воскресенье дома. Чудесно!

– Мы можем гордиться им. Я и отца твоего попрошу надеть форму в первое воскресенье. – Она снова задумалась. – Морин, мистеру Смиту не обязательно останавливаться в пансионе миссис Хендерсон или ехать ночевать в Батлер. Фрэнк может поспать на второй кровати у Тома, а мистер Смит пусть займет бывшую комнату Эдварда.

– О, чудесно!

– Да, дорогая. Но... Морин, посмотри-ка на меня. Я хочу, чтобы во время его пребывания под нашим кровом дети – в том числе и Томас – не увидели и даже не заподозрили чего-либо неподобающего.

Я вспыхнула:

– Обещаю, chère mama.

– Не надо никаких обещаний. Просто будь осторожна. Мы с тобой обе женщины, доченька; я хочу тебе помочь.

Март настал просто золотой, что меня очень устраивало: не хотелось просидеть весь день в гостиной, соблюдая приличия. Погода стояла теплая, солнечная, безветренная. И в субботу четвертого числа я отправилась на прогулку, как благовоспитанная девица – с зонтиком, рукавами «баранья

ножка» и невероятным количеством нижних юбок, — пока Дэйзи не увезла нас на сто ярдов от дома, вне досягаемости посторонних ушей.

— Брайни!

— Да, мисс Морин?

— Какая еще там «мисс Морин». Ты уже имел меня один раз, так что можешь оставить свои официальные манеры, когда мы одни. Скажи лучше — эрекция налицо?

— Ну, раз уж вы об этом упомянули — да!

— Если бы ты сказал «нет», я бы расплакалась. Посмотри, дорогой, какое чудесное местечко я нашла.

Вообще-то, его отыскал Нельсон — а значит, была гарантия, что этого места никто не знает. Дэйзи пришлось протискиваться по тропинке, в двух местах очень узкой, потом мы выпрягли ее и пустили пастись, а сами развернули двуколку — кобылке бы это сделать не удалось, ей бы не хватило места.

Я расстелила одеяло на полянке, которую от речного берега отделяли густые кусты, и разделась, а Брайни смотрел на меня... разделась совсем, оставив только чулки и туфли.

Местечко мы нашли, конечно, уединенное, но любой в радиусе четверти мили должен был меня слышать. В первый раз я даже лишилась чувств и, открыв глаза, увидела над собой встревоженное лицо Брайни.

— Тебе плохо? — спросил он.

— В жизни не было так хорошо! Благодарю вас, сэр! Вы

были великолепы! Выше всяких похвал. Я умерла и вознеслась на небо.

– Нет, ты не умерла, – улыбнулся он. – Ты жива, и ты прекрасна, и я люблю тебя.

– Правда любишь? Брайан, ты правда собираешься жениться на мне?

– Да.

– Даже если я не подхожу Фонду Говарда?

– Рыжик, Фонд Говарда свел нас... но вернулся я к тебе совсем не из-за него. Я бы охотно отслужил семь лет, как тот, в Библии, ради того, чтобы на тебе жениться.

– Надеюсь, что ты говоришь искренне. Хочешь знать, почему я не подхожу Фонду Говарда?

– Нет.

– Да-а? Но я все равно тебе скажу – мне ведь нужна твоя помощь.

– К вашим услугам, мадемуазель!

– Я не подхожу им, потому что еще не беременна. Если ты хоть немного приподнимешься, я сниму с тебя эту гадкую резинку. А затем, сэр, как только вы достаточно отдохнете, я попрошу вас обеспечить мне членство в Фонде. Давай сделаем нашего первенца, Брайни!

Он удивил меня тем, что почти сразу же восстановил свои силы. Даже Нельсон не сумел бы так быстро. Замечательный мужчина был мой Брайни.

Без дурацкой резинки получилось совсем чудесно – как

я и думала. На этот раз я орала еще громче. Уже потом я научилась переживать оргазмы молча... но предпочитаю не сдерживаться, если условия позволяют. Большинству мужчин нравятся такие овации. А Брайни особенно. Наконец я вздохнул.

– Готово. Благодарю вас, сэр. Теперь я – будущая мать. Чувствую, попала прямо в яблочко. Хлоп!

– Морин, ты просто чудо.

– Меня здесь нет. Я умерла счастливой. Хочешь есть? Я сделала нам на ланч слоеные сладкие пирожки и как раз перед твоим приездом начинила их.

– Я хочу на ланч тебя.

– Ну-ну. Надо беречь свои силы. У тебя еще все впереди. – Я рассказала ему о наших планах на эту ночь – и на все последующие ночи. – Мама, конечно, все понимает: она сама была говардовской невестой. Просила только, чтобы мы соблюдали декорум. Брайни, а твои родители рыжие?

– Мама. У отца волосы темные, как у меня. А что?

Я рассказала ему о теории мистера Клеменса:

– Он говорит, что если все человечество произошло от обезьян, то рыжие – от кошек.

– Как будто логично. Кстати, забыл тебе сказать. Если ты хочешь за меня замуж, то ко мне прилагается кот.

– Тебе не кажется, что об этом следовало сказать до того, как ты меня обрюхатил?

– Возможно. Ты не любишь кошек?

– Я и разговаривать не стану с тем, кто их не любит. Брайни, я замерзла. Поехали домой. – Солнце зашло за тучу, и вдруг похолодало – типичная мартовская погода для Миссури.

Пока я одевалась, Брайни завел Дэйзи в оглобли и запряг. У Брайана была та нежная, но твердая рука, которой слушаются лошади (и женщины). Дэйзи подчинялась ему так же охотно, как и мне, хотя обычно очень дичилась незнакомых людей.

Подъезжая к дому, я стучала зубами. Но Фрэнк затопил большую печь в гостиной, и мы устроили наш пикник возле нее. Я пригласила и Фрэнка. Он уже поел, но для слоеных пирожков место нашел.

Я пропустила месячные, которые должны были начаться восемнадцатого марта. Сказала об этом только Брайни, больше никому.

– Отец говорит, что такая задержка еще ничего не значит. Надо подождать.

– Хорошо, подождем.

Отец вернулся первого апреля, и несколько дней весь дом на радостях ходил ходуном. Следующие месячные, пятнадцатого апреля, я тоже пропустила. Брайни согласился с тем, что пора сказать отцу, и я сказала – в ту же субботу. Отец серьезно посмотрел на меня:

– Что чувствуешь, Морин?

– Я совершенно счастлива, сэр. Я сделала это намеренно – то есть мы сделали. И я хочу выйти замуж за мистера Смита как можно скорее.

– Резонно. Что ж, зови своего молодого человека. Мне надо потолковать с ним с глазу на глаз.

– Я не могу присутствовать?

– Ты можешь не присутствовать.

Вскоре меня позвали обратно, и отец оставил нас вдвоем.

– Что-то на тебе не видно крови, Брайни.

– Он даже не доставал свой дробовик. Только рассказал мне про твои легкомысленные замашки.

– Какие еще замашки?

– Тихо, тихо. Остынь.

Отец вернулся вдвоем с матерью и сказал:

– Миссис Джонсон в курсе относительно задержки. – Он повернулся к матери. – Как вы думаете, миссис Джонсон, когда им можно пожениться?

– Мистер Смит, когда у вас кончатся занятия в Ролле?

– Последний экзамен будет в пятницу девятнадцатого мая, мэм, а выпускной акт – только второго июня, но это уже не столь важно.

– Понятно. Подойдет вам суббота двадцатого мая? И как вы думаете, мистер Смит, смогут ваши родители приехать на свадьбу?

В семь тринадцать вечера двадцатого мая мы с мужем выехали из Батлера на север, в Канзас-Сити, на Южном экспрессе. Экспрессом он назывался потому, что останавливался у каждого столба, каждой коровы, каждого бидона с молоком и каждой лягушки, не делал остановки только возле светлячков.

– Брайни, у меня ноги болят, – сказала я.

– Ну такними туфли.

– При людях?

– Тебе больше не нужно считаться ни с чьим мнением, кроме моего, да и с моим-то не сильно.

– Благодарствую, сэр, но разуться не смею. Ноги опухнут, и я не смогу потом надеть туфли. Брайни, когда будем жениться в следующий раз, давай убежим.

– Давай. Жаль, что мы и на этот раз не поступили так. Ну и денек!

Я хотела венчаться в полдень, но меня переубедили моя мать, моя будущая свекровь, священник, жена священника, органист, церковный сторож и все кому не лень. Я думала, что невеста должна иметь решающий голос во всем, что касается ее свадьбы, – если это не слишком разорительно для ее отца, – но, как видно, я прочла слишком много романтических историй. Мне хотелось обвенчаться в полдень, чтобы успеть в Канзас-Сити до вечера. Чувствуя себя вконец разочарованной, я обратилась к отцу.

– Мне очень жаль, Морин, – сказал он, – но в Конститу-

ции записано, что отец невесты не имеет права голоса насчет свадьбы. Он только оплачивает счета да ведет дочь к алтарю. Иначе его посадят под замок. Ты говорила матери, почему хочешь уехать дневным поездом?

– Да, сэр.

– И что же она сказала?

– Она сказала, что все было рассчитано, исходя из того, что Смиты прибудут в десять сорок два и все успеют приготовиться к четырем часам, а к полудню мы не успеваем. «Но, мама, они уже здесь», – сказала я. А она ответила, что уже слишком поздно все менять. А я ей: «Почему это? И почему со мной не посоветовались?» А она мне: «Стой спокойно и не дергайся. Надо переколоть булавку». Отец, это ужасно. Со мной обращаются как с призовой коровой, которую привезли показывать на ярмарке. И меня слушают не больше, чем ту корову.

– Морин, наверное, уже слишком поздно что-то менять. Согласен, твое мнение следует учитывать. Но до свадьбы остается меньше двух суток, а уж если Адель упрется, уговаривать ее бесполезно. Мне хотелось бы тебе помочь, но она и меня не послушает. – У отца был такой же несчастный вид, как и у меня. – Стисни зубы и перетерпи как-нибудь. Как только брат Тимберли скажет: «Объявляю вас мужем и женой», теперь уже не надо будет слушать никого, кроме Брайана. А ему ты, как я погляжу, уже продела в нос кольцо, так что это будет не слишком трудно.

– Не думаю, что я продела ему в нос кольцо.

Преподобному Тимберли сказали заранее, чтобы он строго придерживался методистской епископальной службы, без всяких новомодных штучек, и что обручальное кольцо будет только одно. Но этот болван пропустил мимо ушей и то и другое. Он нес всякую околесицу (думаю, взятую из ритуалов его ложи; Тимберли был одно время Великим Канцлером у «Рыцарей и Лордов Высокой Горы»), которой не было на репетиции, и задавал вопросы, которых я не узнавала и не представляла, как на них отвечать. И он проповедовал, рассказывая каждому из нас то, что нам не нужно было слышать, особенно во время свадебной службы.

Это тянулось и тянулось, у меня болели ноги (не заказывайте туфли по почте!), а корсет меня душил. (Я никогда его раньше не носила, но мать настояла.) Язык чесался сказать брату Тимберли, чтобы он читал по книге и прекратил импровизировать (до поезда оставалось все меньше и меньше времени). Тут он предложил нам обменяться кольцами, и выяснилось, что кольцо-то одно.

Брат Тимберли собрался было начать все сызнова, но тут жених, которому, вообще-то, полагалось говорить только «Да», сказал ему шепотом, слышным не далее чем за сотню ярдов:

– Ваше преподобие, перестаньте толочь воду в ступе и смотрите в книгу – иначе я вам ни цента не заплачу.

Пастор хотел было запротестовать, но посмотрел на Брайни и сказал:

– Властью-данной-мне-суверенным-штатом-Миссури-объявляю вас мужем и женой! – И тем, думается мне, спас свою жизнь.

Брайан поцеловал меня, мы пошли к выходу, и я запуталась в шлейфе. Шлейф несла Бет и должна была повернуть с ним налево.

Она не виновата – это я свернула не туда.

– Брайни, ты не захватил кусок свадебного торта?

– Не успел.

– И я тоже. Вспомнила вдруг, что с самого завтрака ничего не ела – а завтрак был так себе. Давай пойдем поищем вагон-ресторан.

– Ладно, сейчас спрошу. – Брайни вышел и вскоре вернулся. – Я узнал, где он.

– Хорошо. Он впереди или позади нас?

– Позади. И совсем рядом. Его отцепили в Джоплине.

Так что наш свадебный ужин состоял из двух засохших бутербродов с ветчиной, купленных у разносчика, и бутылки содовой на двоих.

Часов в одиннадцать мы добрались наконец до отеля «Льюис и Кларк», где Брайни заказал номер. Извозчик, похоже, и слыхом не слыхивал о такой гостинице, но готов был

разыскивать ее, пока лошадь не упадет. С вокзала он повернул не в ту сторону, а когда Брайни сказал ему об этом, стал спорить, довольно дерзко. Брайни ему в ответ:

– Возвращайтесь на вокзал: мы возьмем другого извозчика.

Ультиматум помог, и мы приехали куда надо.

Как и следовало ожидать, ночной портье тоже слыхом не слыхал о заказе Брайни. Но Брайан никому не позволял над собой измываться и стесняться не стал.

– Я заказал номер три недели назад по почте, – сказал он, – и перевел вам деньги. Вот квитанция, а вот письмо с подтверждением от вашего управляющего. Разбудите его, и прекратим этот глупый спор. – Он сунул письмо под нос портье.

Тот посмотрел:

– Ах, так вы *тот* мистер Смит? Номер для новобрачных? Что же вы сразу не сказали?

– Сказал – десять минут назад.

– Прошу извинить, сэр. Носильщик!

Через двадцать минут я уже нежилась в горячей ванне с мылом – совсем как в Чикаго шесть лет назад. Я чуть не заснула там, но вспомнила, что моему мужу тоже нужна ванна, и поспешила взбодриться.

– Брайни, налить тебе ванну?

Ответа не было. Я наскоро вытерлась и обмоталась полотенцем, сознавая, что являю собой скандальное (и, надеюсь, провокационное) зрелище.

Мой доблестный рыцарь крепко спал прямо в одежде, лежа поперек кровати.

У самой двери стояло серебряное ведро с бутылкой шампанского во льду.

Я достала свою ночную рубашку, девственно-белую и надушенную (это была мамина свадебная ночная рубашка), и пару кроличьих тапочек.

– Брайан... Брайни! Пожалуйста, проснись, дорогой! Я помогу тебе раздеться, сниму покрывало с постели и уложу тебя.

– Угу.

– Пожалуйста, дорогой.

– Я не сплю.

– Конечно нет. Дай-ка я сниму с тебя ботинки.

– Я сам. – Он сел и стал разуваться.

– Хорошо, дорогой. Я сейчас выпущу воду из ванны и налью тебе свежую.

– Ты еще не выливала свою?

– Нет.

– Так я в ней и помоюсь. Миссис Смит, вы неспособны загрязнить воду – вы лишь придаете ей восхитительный аромат.

И мой галантный рыцарь в самом деле залез в мою ванну, еще теплую. Я легла в постель... и крепко уснула, не дождавшись его. А он не стал меня будить.

Проснулась я в два или три часа ночи, в полной темноте,

и испугалась, что лежу в чужой постели, а потом все вспомнила.

– Брайни?

– Проснулась?

– Вроде бы. – Я прижалась к нему, потом села и сняла рубашку – она мне мешала. А Брайни снял свою, и мы впервые были оба совсем нагие, и это было чудесно, и я поняла, что вся моя прежняя жизнь была лишь подготовкой к этому моменту.

После долгой, медленной прелюдии мы оба вспыхнули разом, а потом я тихо лежала под ним, полная любви.

– Спасибо, Брайни. Ты просто чудо.

– Тебе спасибо. Люблю тебя.

– И я люблю тебя, муж мой. Брайни, а где твой кот? В Цинциннати или в Ролле?

– А? Нет, в Канзас-Сити.

– Здесь? Он у кого-нибудь живет?

– Не знаю.

– Что-то я тебя не пойму.

– Ты его еще не нашла, Мо. Это котенок, которого ты мне подаришь. Свадебный подарок жениху от невесты.

– Брайни, противный! – Я начала его щекотать, а он – меня.

Кончилось это тем, что Морин опять стала издавать громкие неприличные звуки. Потом Брайни почесал мне спину.

Люди женятся не только для того, чтобы им чесали спину, но это тоже хорошая причина – есть такие места, которые очень трудно достать самому. Потом я почесала спину ему. И наконец мы уснули, перепутавшись, как котята в лукошке.

Морин нашла наконец свое истинное призвание, свою судьбу.

На завтрак у нас было шампанское.

Мы выбиваем чеки

Начитавшись откровенных автобиографий раскрепощенных женщин двадцатого века, особенно тех, что увидели свет после второй фазы последних войн, начиная с 1950 года и после, я знаю, что теперь от меня ждут подробного рассказа о моей беременности и первых родах: и про тошноту по утрам, и про смену настроений, про слезы и про чувство одиночества... а потом про ложные схватки, внезапный отход вод, эклампсию⁵⁴, срочное хирургическое вмешательство и тайны, которые я разболтала под наркозом.

Сожалею, но у меня все было не так. Я видела, как некоторых женщин тошнит по утрам, – это, должно быть, ужасно, но со мной такого никогда не случалось. Моей проблемой всегда было «не выйти из графика», не набрать больше веса, чем мой доктор считал нужным. (Были времена, когда я была готова убить за шоколадный эклер.)

Мои первые роды продолжались сорок минут. Если бы в 1899 году было принято рожать в больницах, я родила бы Нэнси по пути в больницу. А так Брайан сам принял Нэнси

⁵⁴ *Эклампсия* – тяжелая форма позднего токсикоза беременных, возникающая во время родов и даже после них. Основным ее симптомом являются судороги мышц всего тела с потерей сознания.

под моим руководством, и ему пришлось намного тяжелее, чем мне.

Потом прибыл доктор Рамси, перевязал и обрезал пуповину и сказал Брайану, что тот отлично поработал (и правда). Доктор занялся удалением последа, и Брайни, мой бедный ягненок, упал в обморок. Женщины крепче мужчин – нам приходится быть крепче.

Иногда мои схватки продолжались чуть подольше, но слишком надолго никогда не затягивались. В первый раз, само собой, никто не делал мне разрезов, и швы накладывать не пришлось. Во все последующие разы я тоже не разрешала резать себя там, внизу, так что у меня там никаких рубцов нет – только здоровые мышцы.

Я племенная кобыла, так создала меня природа: бедра у меня широкие, а родовой канал гуттаперчевый. Доктор Рамси говорил, что все дело в том, как я настроена, но мне-то лучше знать. Это мои предки наделили меня генами очень эффективной самки-производительницы, за что я им благодарна... потому что видела женщин, сложенных не столь удачно, которые ужасно страдали, а порой и умирали в родах. Да-да, «естественный отбор», «выживает сильнейший», и Дарвин был прав – все так. Но нелегко хоронить свою близкую подругу, которую в расцвете лет погубил собственный ребенок. Я была на таких похоронах в двадцатые годы и слышала, как елейный старикашка-священник толкует о Божьей воле. У могилы я как будто нечаянно наступила ему на ногу

острым каблуком, а когда он взвыл, сказала, что это Божья воля.

Один раз я родила во время бриджа. Это был Пат, Патрик Генри, и, стало быть, 1932 год, и, стало быть, это был контракт, а не торговля⁵⁵. Все совпадает: это Джастин и Элеонора Везерел научили нас играть с контрактом, когда сами научились, а играли мы у них дома. Их сын, Джонатан Везерел, женился на нашей старшей дочке – из этого следует, что Везерелы тоже были говардовской семьей, но подружались мы с ними задолго до того, как узнали об этом. А узнали мы об этом только в ту весну, когда увидели Джонатана в говардовском списке женихов для Нэнси.

Я играла в паре с Джастином, а Брайни – с Элеонорой. Джастин сделал заявку, мы заключили контракт и собирались приступить к игре, но тут я сказала:

– Кладите карты рубашкой вверх и ставьте на них пресс-папье: я рожаю!

– Забудь про раздачу! – сказал мой муж.

– Разумеется, – согласился мой партнер.

– Черта с два! – ответила я как истинная леди. – Я заказала этот хренов контракт, и я его выиграю! А ну-ка, помогите мне встать.

Через два часа мы разыграли ту раздачу. Доктор Рамси-младший пришел и ушел. Я лежала в кровати Элеоноры.

⁵⁵ *Торговля* – фаза игры, в которой делаются заявки. Контракт – последняя заявка в торговле. – *Примеч. С. В. Голд.*

Складной столик поставили поперек постели, подперли подушками, а мой партнер держал на руках моего новорожденного сына. Эл и Брайни полулежали по обе стороны от меня. Я заказала малый шлем в пиках – рискованный – с контрой и реконтрой – и села без одной.

Элеонора показала мне нос:

– Опа-опа, сидим на дне окопа! – И вдруг она всполошилась. – Мо! Подвинься, дорогая! Я сейчас рожу своего!

Так что Брайни в ту ночь принимал двоих ребят, а доктору пришлось заворачивать обратно, не успел он зайти к себе домой. Он ворчал на нас, что надо сразу договариваться и что он вычтет с нас за бензин и возьмет сверхурочные. Потом поцеловал обеих рожениц и ушел – к тому времени мы уже знали, что Рамси – тоже говардовцы, и док-младший был для нас все равно что член семьи.

Я позвонила Этель, сказала, что мы остаемся ночевать, объяснила почему.

– У вас все в порядке, дорогая? Как вы с Тедди, справитесь? – (У них на руках было четверо малышей. Или пятеро? Нет, четверо.)

– Конечно, мама.

– А у тебя мальчик или девочка? А у тети Элеоноры?

– У меня мальчик, а у Элеоноры девочка. Можете начинать придумывать имена... по крайней мере, для нашего.

Но смешнее всего было то, о чем мы не сказали ни до-ку-младшему, ни детям: это Брайни сделал ту девочку мо-

ей подружке Элеоноре, а мне сделал мальчика ее муж Джастин... в тот уик-энд в Озарке, когда мы праздновали пятьдесят пятый день рождения Элеоноры. Празднуя, мы все расслабились, и наши мужья решили, что, раз мы все говардцы, нечего возиться с дурацкими резинками – авось выьем по чеку.

(К слову: как я сказала, Элеонора забеременела в день своего пятидесятилетия. Но в свидетельстве о рождении, заполненном доктором-младшим, было указано, что возраст матери – сорок три года. А у меня – тридцать восемь вместо пятидесяти. В двадцатые годы мы все получили устное предупреждение от попечителей Фонда Говарда: скрывать свой истинный возраст и убавлять себе официальный возраст при каждом удобном случае. Позднее в том же двадцатом столетии нам каждые тридцать лет помогали оформлять новые документы, и постепенно из этого развилась система «маскарад»⁵⁶, спасшая Семьи Говарда в Безумные годы. О «маскараде» я знаю только из архивов – меня извлекли из этой каши, благодаря Небесам и Хильде, в 1982 году.)

В Лиловое десятилетие⁵⁷ мы с Брайаном выбрали пять чеков – пять ребятишек за декаду с 1900 по 1910 год. «Выбиванием чеков» это занятие назвала я, а муж подхватил мою низкопробную, вульгарную шуточку. Я только что опра-

⁵⁶ О конце «маскарада» повествует роман «Дети Мафусаила».

⁵⁷ *Лиловое*, или Сиреневое десятилетие, – период с 1890 г., когда были синтезированы первые искусственные красители. – *Примеч. С. В. Голд.*

вилась после родов старшей (нашей милой Нэнси), и доктор Рамси разрешил мне «исполнять супружеские обязанности» (ей-богу, так это тогда и называлось!), если мне того хочется.

Я вернулась от доктора домой, поставила обед, снова приняла ванну, надушилась возбуждающими духами, подаренными мне Брайни на Рождество, накинула лимонно-зеленый пеньюар, подаренный тетей Кароль на свадьбу, пошла взглянуть на свой обед и привернула газ – у меня все было рассчитано. И стала ждать прихода Брайни.

Он вошел. Я приняла вызывающую позу. Он оглядел меня с ног до головы:

– Меня прислал Джо. Я туда попал?

– Это смотря что ты имеешь, дружок, – ответила я глубоким страстным голосом. – Что тебе предложить? – Тут я вышла из роли. Брайни! Доктор Рамси говорит, что все в порядке!

– Выражайся яснее, девочка. Что именно в порядке?

– Да все. Я снова признана годной. – И я сбросила пеньюар. – Иди ко мне, Брайни, – выйдем чек.

Так мы и сделали, правда, в тот раз у нас дело не выгорело – я забеременела вновь только в начале 1901 года. Но попытки были сплошным удовольствием, и мы старались снова и снова. Как сказала однажды мамочка Делла: «Да ведь оно как, девонька, бывает – сто раз подряд, и хоть бы что».

Что за мамочка Делла и откуда она взялась? Ее привел Брайан, когда я слишком растолстела, чтобы самой управляться со стиркой. Наш первый дом – крохотный домишко на Двадцать шестой улице – стоял неподалеку от негритянского квартала. Делла жила в нескольких минутах ходьбы от нашего дома и работала весь день за доллар и трамвайный билет. То, что на трамвае она не ездила, значения не имело – десять центов входили в уговор. Делла родилась рабыней и не умела ни читать, ни писать, но была самой настоящей леди – я не встречала более настоящей: ее сердце было исполнено любви ко всем, кто соглашался принять ее любовь.

Ее муж работал грузчиком на пристани братьев Ринглингов, я его никогда не видела. А Делла продолжала ходить ко мне – или к Нэнси, «своему ребеночку», и тогда, когда мне уже не требовалась помощь, прихватывая с собой своего младшего внучонка. Внучонка она оставляла с Нэнси, а сама принималась делать за меня мою работу. Иногда ее удавалось пригвоздить к месту с помощью чашки чая, но нечасто. Потом она работала у меня, когда я ждала Кэрол, – и так с каждым ребенком вплоть до 1911 года, когда «Господь взял ее к себе». Если рай есть – Делла там.

Неужели рай для тех, кто верит в него, так же реален, как Канзас-Сити? Это, как мне кажется, должно вписаться в космологию «Мир как миф». Надо будет спросить об этом Джу-бала, когда я выберусь из этой тюрьмы и вернусь в Бундок.

В лучших ресторанах Бундока очень популярен «карто-

фель а-ля Делла» и прочие блюда по ее рецептам. Делла многому меня научила. Не знаю, научила ли ее чему-нибудь я – она была гораздо опытнее и мудрее меня во всем, что у нас было общего.

Вот мои первые пять «чековых деток»:

Нэнси Айрин, 1 декабря 1899 г. или 5 января 1900 г.;

Кэрол (Санта-Каролита), названная в честь моей тети Кароль, 1 января 1902 г.;

Брайан-младший, 12 марта 1905 г.;

Джордж Эдвард, 14 февраля 1907 г.;

Мэри Агнес, 5 апреля 1909 г.

После Мэри я не залетала до весны 1912 года – и родилась мой любимчик, мой баловень Вудро Вильсон... который позже стал моим любовником, Теодором Бронсоном, а много позже – моим мужем Лазарусом Лонгом. Не знаю, почему я не беременела все это время – но уж точно не от недостатка старания: мы с Брайни старались «выбить чек» при каждой возможности. Нам было все равно, удастся нам это или нет: мы это делали ради удовольствия. Если не получалось, тем лучше: не придется воздерживаться несколько недель до и после родов. Наше воздержание, правда, было неполным: я хорошо научилась действовать руками и ртом, и Брайни тоже. Но в обычные дни мы все же предпочитали старый добрый вид спорта, будь то миссионерский способ или восемна-

дцать других.

Можно было бы подсчитать, сколько раз мне не удалось забеременеть, сохранись у меня календарь Лиловой декады, где я отмечала свои менструации. Сам календарь – не проблема, но график менструаций, хотя я аккуратно вела его, давно и безвозвратно утерян, почти безвозвратно: потребовалась бы специальная акция Корпуса времени, чтобы его отыскать. Но у меня на этот счет своя теория. Брайни часто уезжал по делам – он «выбивал чеки» на свой манер, как эксперт-экономист по горной промышленности. Брайан считался талантом в своей области, и спрос на него был постоянный.

Мы оба даже не слыхивали о том, что овуляция наступает на четырнадцатый день цикла, что это можно определить, измерив температуру, – и уж конечно не имели понятия о более тонких и надежных методах проверки, разработанных во второй половине двадцатого века. Доктор Рамси был лучшим семейным врачом, которого можно было найти в то время, и его не сковывали табу того времени – ведь доктора прислал нам Фонд Говарда, – но о календарном цикле он знал не больше нашего.

Если бы достать мой менструационный календарь 1900–1912 годов, отметить на нем периоды возможных овуляций, а потом те дни, в которые Брайни не было дома, то почти наверняка выяснится, что у маленьких живчиков и не было шанса попасть куда следует в те числа, когда я не беременела.

Почти наверняка: ведь Брайни был призовой жеребец, а я – плодовитая Мать-Крольчиха.

Но я рада, что не знала тогда о календарном цикле, – ведь ничто не сравнится с той сладкой щекоткой внутри, когда лежишь раскинув ноги и закрыв глаза – и ждешь зачатия. Нет, это не относится к многочисленным чудачествам Морин – я неоднократно проверяла это на других женщинах: готовность забеременеть придает любви особую пикантность.

Я совсем не против контрацепции – это величайшее благо, дарованное за всю историю женщинам: ведь эффективные средства предохранения освободили женщину от автоматического порабощения мужчиной, которое было нормой на протяжении всей истории. Но наша древняя нервная система не настроена на предохранение – она настроена на беременность.

К счастью для Морин – когда я перестала быть распушенной школьницей, мне почти никогда не нужно было предохраняться.

В один необычайно теплый февральский денек 1912 года Брайни повалил меня на берегу Блю-ривер, почти в точности повторив 4 марта 1899 года на берегу Лебединого пруда. Оба мы обожали заниматься любовью на природе, с легкой примесью риска. По случаю той вылазки 1912 года на мне были длиннющие шелковые чулки и круглые зеленые подвязки – в этом туалете и заснял меня мой муж: я стою голышом на солнышке и улыбаюсь в объектив. Эта карточка сыграла ре-

шающую роль в моей жизни шесть лет спустя, и семьдесят лет спустя, и две тысячи лет спустя.

Мне сказали, что эта карточка изменила всю историю человечества на нескольких временных линиях.

Может, и так. Я не совсем еще уверовала в теорию «мир как миф», хотя и числюсь в полевых агентах Корпуса времени, и умнейшие из моих близких уверяют меня, что тут все без обмана. Отец всегда требовал, чтобы я думала самостоятельно, да и мистер Клеменс тоже. Меня учили, что единственный смертный грех, единственное преступление против самого себя – это принимать что-либо на веру.

У Нэнси два дня рождения: настоящий, в который я ее родила, зарегистрированный в Фонде, и официальный, более соответствующий дате моего бракосочетания с Брайаном Смитом. В конце девятнадцатого века это делалось легко – институт регистрации актов гражданского состояния в Миссури только зарождался. Большинство дат по-прежнему брали из семейных библий. Окружной регистратор Джексон вел учет рождений, смертей и браков, о которых ему сообщали, – а если не сообщали, то и не надо.

Истинную дату рождения Нэнси мы сообщили в Фонд, отчет был подписан мной и Брайаном и заверен доктором Рамси, а месяц спустя доктор заполнил свидетельство о рождении в канцелярии округа, проставив в нем фальшивую дату. Это было просто – Нэнси ведь родилась дома; я всех сво-

их детей рожала дома вплоть до середины тридцатых годов. Так что больничной записи, способной нас разоблачить, не существовало. Восьмого января я оповестила о радостном событии (с фальшивой датой) нескольких знакомых в Фивах и послала извещение в «Лайл Каунти лидер».

Зачем было так суетиться, чтобы скрыть дату рождения ребенка? Затем что нравы того времени были жестокими – беспощадно жестокими. Миссис Гранди посчитала бы на пальцах и разнесла повсюду, что мы поженились ради того, чтобы дать плоду нашего греха имя, которое она не имеет права носить. Да-да. Это относится к ужасам мрачной эпохи Баудлера, Комстока и Гранди⁵⁸ – стервятников, которые изгадили то, что могло бы считаться цивилизацией.

Ближе к концу века одинокие женщины стали открыто рожать детей, отцы которых не всегда были в наличии. Но это было не проявление истинной свободы, а просто другая крайность, и последствия такого поступка тяжело сказывались и на матери, и на ребенке. Старые обычаи ломались, а новых законов, которые могли бы их заменить, еще не появилось.

Наша уловка имела целью помешать кому-либо из Фив узнать, что малютка Нэнси была «ублюдком». Моя мать, ко-

⁵⁸ Шотландский редактор Баудлер в первой половине XIX в. издал пьесы Шекспира, изъяв из них «непристойные места»; по инициативе американского сенатора Комстока был принят закон о «борьбе с безнравственностью» в литературе и искусстве; а персонаж пьесы Т. Мортон миссис Гранди неоднократно упоминалась как олицетворение ханжеского общественного мнения.

нечно, знала, что дата фальшивая, но матери уже не было в Фивах: она жила в Сент-Луисе у дедушки и бабушки Пфайферов, а отец снова поступил на военную службу.

До сих пор не знаю, как к этому отнестись. Дочь не должна судить родителей – и я не сужу.

Испано-американская война сблизила меня с матерью. Видя ее тревогу и горе, я решила, что она по-настоящему любит отца – просто она не показывает своей любви при детях.

Потом, одевая меня в день свадьбы, мать дала мне напутствие, которое по традиции все матери давали невестам перед свадьбой.

Знаете, что она мне сказала? Лучше сядьте, чтобы не упасть.

Она сказала, что я должна отправлять свои супружеские обязанности, не выказывая отвращения. Такова воля Господа, изложенная в Книге Бытия, такова цена, которую женщина платит за право иметь детей... и если я буду так смотреть на это, то легко выдержу любые испытания. Кроме того, я должна понимать, что потребности мужчин отличаются от наших, и быть готовой удовлетворять прихоти своего мужа. Не думать об этом как о чем-то животном и безобразном – думать только о детях.

– Да, мама, я запомню, – ответила я.

Что же случилось у них с отцом? Сама ли мать вынудила его уйти, или он сказал ей, что хочет наконец выбраться из

этого городишки, тонущего в грязи, и начать в армии новую жизнь?

Не знаю. Да мне и не надо знать – не мое это дело. Остается факт: отец вернулся в армию так скоро после моей свадьбы, что наверняка задумал это заранее. Письма приходили сначала из Тампы, потом из Гуантанамо на Кубе, потом с Минданао на Филиппинах, где мавры-мусульмане перебили больше наших солдат, чем когда-либо удавалось испанцам. А потом он оказался в Китае.

После Боксерского восстания⁵⁹ я считала отца погибшим, потому что письма перестали приходить. Наконец он написал нам из Сан-Франциско, – оказывается, прежние письма просто не дошли.

Он ушел из армии в 1912 году. В тот год ему исполнилось шестьдесят, – возможно, он вышел на пенсию по возрасту? Не знаю. Отец всегда говорил только то, что считал нужным – если к нему приставали с вопросами, он мог отделаться выдумкой, а мог и к черту послать.

Он приехал в Канзас-Сити. Брайан пригласил его жить к нам, но отец нашел себе квартиру и поселился в ней еще до того, как известил нас о своем приезде и даже о выходе в отставку.

Пять лет спустя он все-таки переехал к нам, потому что

⁵⁹ Боксерским восстанием иностранцы называли ихэтуаньский мятеж в Северном Китае в 1899–1901 гг. В июне 1900 г. ихэтуани («Отряды справедливости и согласия») вступили в Пекин. Восстание было подавлено с помощью войск Германии, России, Великобритании, США и других стран.

был нам нужен.

Канзас-Сити 1900-х годов был потрясающим городом. Мне, хотя я и провела три месяца в Чикаго несколько лет назад, жизнь в большом городе была в новинку. Когда я сразу после замужества приехала в Канзас-Сити, в нем насчитывалось сто пятьдесят тысяч населения. По городу ходили электрические трамваи и почти столько же автомобилей, сколько конных экипажей. Повсюду тянулись трамвайные, телефонные и электрические провода. Все главные улицы были мощеные, постепенно одевались в камень и боковые. Городские парки уже славились на весь мир, хотя их разбивка еще не завершилась. В публичной библиотеке (невероятно, но факт) имелось полмиллиона книг.

А зал городских собраний был таким огромным, что демократы наметили провести там в 1900 году свой предвыборный съезд. Потом случился пожар, и зал сгорел дотла за одну ночь – но не успел еще остыть пепел, как здание начали восстанавливать, и всего через девяносто дней после пожара демократы выдвинули там кандидатом в президенты Уильяма Дженнингса Брайана⁶⁰.

Республиканцы вновь выдвинули в президенты Маккинли, а кандидатом в вице-президенты – полковника Тедди Рузвельта, героя Сан-Хуанского холма. Не знаю, за кого голосовал мой муж, но, кажется, ему всегда было приятно, когда

⁶⁰ Адвокат и член конгресса *У. Д. Брайан* выдвигался кандидатом на пост президента США неоднократно – в 1896, 1900, 1908 гг., но ни разу не был избран.

кто-то замечал сходство между ним и Тедди Рузвельтом.

Наверное, Брайни сказал бы мне, если бы я спросила, но в 1900 году женщины не совались в политику, а я из всех сил старалась изображать на публике идеальную скромную домохозяйку, которую интересуется – прямо по формуле кайзера – только Kirche, Küche und Kinder⁶¹.

В сентябре 1901-го наш президент, только полгода назад избранный на второй срок, был злодейски убит, и его пост занял молодой герой войны⁶².

В некоторых временных линиях мистера Маккинли не убивали, и полковник Рузвельт так и не стал президентом, а его дальний родственник⁶³ не выдвигался в президенты в 1932 году. Это полностью изменило ход обеих мировых войн

⁶¹ Церковь, кухня и дети (нем.).

⁶² После гибели Маккинли двадцать шестым президентом США стал Теодор Рузвельт (1858–1919), занимавший тогда пост вице-президента. Рузвельт активно чередовал занятия политикой с литературной деятельностью, участвовал в Испано-американской войне. Был награжден Нобелевской премией мира за посредничество в переговорах об окончании войны между Японией и Россией в 1905 г.

⁶³ Имеется в виду Франклин Делано Рузвельт (1882–1945), тридцать второй президент США. Юрист по образованию, начал политическую карьеру в 1910 г. как демократ, в 1913–1920 гг. был помощником министра Военно-морского флота, но в 1921 г. заболел полиомиелитом и до конца жизни страдал параличом ног. До начала Второй мировой войны политика Рузвельта как президента была направлена на решение внутренних проблем страны. В 1944 г. был избран на четвертый срок, что никогда ранее не случалось в истории США. Несомненно, Рузвельт оставил значительный след в мировой истории как один из наиболее выдающихся президентов США.

в переломные моменты – в 1917 и в 1941 годах. Наши математики из Корпуса времени изучают эти вопросы, но структурное моделирование в данном случае слишком сложно даже для сопряженных компьютеров Майкрофт Холмс IV – Афина Паллада, а мне уж и подавно не под силу. Я – родильная фабрика, хорошая кухарка и сплошная жуть в постели. Мне кажется, что секрет счастья в том, чтобы понять, кто ты есть, и довольствоваться этим – с гордо поднятой головой, – а не стремиться быть кем-то другим. Амбиция не сделает воробья коршуном, а ворону – райской птицей. Меня как ворону это вполне устраивает.

Пиксель – превосходный образец искусства быть собой. Хвост у него постоянно трубой, и он всегда в себе уверен. Сегодня он опять принес мне мышь. Я похвалила его, погладила и хранила мышь, пока он не ушел, а потом смыла ее в унитаз.

Затаенная мысль наконец пробилась наружу. Эти мыши – первое и пока единственное (насколько я знаю) доказательство того, что Пиксель может проносить с собой какие-то предметы, когда он играет с вероятностями, проходя сквозь стены.

Если выражением «проходить сквозь стены» можно описать то, что он делает. За неимением лучшего удовольствуюсь им.

Какую весточку мне передать, и кому, и как прицепить ее

к Пикселю?

После превращения из школьницы в домохозяйку мне пришлось добавить к личным заповедям Морин еще кое-что. Одна заповедь гласила: «Не расходуй свыше того, что муж дает тебе на хозяйство». Другую я вывела раньше: «Не плачь никогда при детях твоих», а когда выяснилось, что Брайану придется много ездить, я включила в заповедь и его. «Никогда не плачь при нем и всегда встречай его с улыбкой...» никогда, никогда, НИКОГДА не омрачай его приезда жалобами на то, что труба замерзла, мальчишка из бакалейной лавки был груб, а мерзкая собака изгрызла всю клумбу. Пусть он всегда возвращается домой с радостью, а уезжает с сожалением.

Пусть дети весело встречают его, но не слишком на нем виснут. Ему нужна мать его детей – но нужна также и любящая доступная женщина. Если ты не хочешь быть ею, он найдет таковую в другом месте.

Еще одна заповедь: «Обещания нужно выполнять». Особенно данные детям. Поэтому подумай трижды, прежде чем обещать, и, если у тебя есть хоть тень сомнения, не делай этого.

А главное, не откладывай наказаний, говоря: «Вот придет отец».

Пока что в этих правилах не было нужды – ведь у меня был только один ребенок, да и тот в пеленках. Но я все

свои жизненные правила обдумывала загодя и заносила их в дневник. Отец предупредил меня о том, что я лишена чувства морали и мне нужно предугадать заранее те решения, которые придется принимать. Я не могла рассчитывать на тихий голос совести, который предостережет меня в нужный момент, – во мне этот голос молчал. Поэтому свое поведение приходилось обдумывать заблаговременно, создавая свой собственный свод законов – вроде десяти заповедей, только шире и без явных накладок древнего племенного кодекса, пригодного лишь для варваров-скотоводов.

Мои же правила не отличались излишней суровостью, и я чудесно проводила свое время!

Я никогда не выясняла, сколько Брайану платят за каждого ребенка, – не хотела этого знать. Гораздо приятнее было воображать, что это миллион долларов в золотых слитках цвета моих волос, и каждый слиток такой тяжелый, что одному не поднять. Фаворитка короля, осыпанная драгоценностями, гордится своим «падением», уличная же потаскушка, которая продается за пенни, стыдится своего ремесла. Она неудачница и сознает это. В моих грезах я была любовницей короля, а не печальной уличной феей.

Но Фонд Говарда, должно быть, платил щедро. Вот послушайте, что я вам расскажу. Наш первый дом в Канзас-Сити едва-едва подходил под мерку респектабельного жилья среднего класса. Из-за близости квартала, где жили цветные, в 1899-м он считался небогатым районом, по соседству с нами

селились люди скромные, хотя и белые – иных не допускалось. Кроме того, наша улица шла с востока на запад, а дом выходил на север – еще два минуса. Стоял он на высокой террасе, и к нему надо было взбираться по лестнице. Этот двухэтажный каркасный домик построили в 1880 году, водопровод в нем провели задним числом, и ванная примыкала к кухне. В нем не было ни столовой, ни прихожей, всего одна спальня. Не было настоящего подвала – только грязная каморка с земляным полом, где стояла печь и хранился уголь. А вместо чердака – только низенькое пространство под крышей.

Но снять дом за ту плату, которую мы могли себе позволить, было трудно – Брайни повезло, что он и такой нашел. Я уже начинала думать, что мне придется рожать первенца в меблированных комнатах.

Брайни повел меня смотреть дом, прежде чем окончательно договориться, и я оценила его любезность: ведь в те дни замужняя женщина не имела права подписывать контракты, и ему не обязательно было со мной советоваться.

– Как думаешь, ты сможешь здесь жить?

Смогу ли я! Водопровод, ватерклозет, ванная, газовая плита, газовое освещение, котельная...

– Брайни, тут чудесно! Но можем ли мы себе это позволить?

– Это моя проблема, миссис Смит, а не ваша. Платить будем аккуратно. То есть платить будешь ты, как мой агент, –

первого числа каждого месяца. Домовладелец – джентльмен по имени Эбенезер Скрудж...⁶⁴

– Эбенезер Скрудж? Да неужели?

– Я думаю, так прозвучало его имя. Но мимо как раз шел трамвай, я мог и ошибиться. Мистер Скрудж лично будет заходить за деньгами первого числа каждого месяца, если только оно не выпадет на воскресенье; в таком случае он зайдет в субботу, а не в понедельник, что особо подчеркнул в разговоре. Подчеркнул он также, что платить следует наличными, а не чеком. Причем настоящими деньгами, серебром, не банкнотами.

Арендная плата, несмотря на многочисленные недостатки дома, была высокой. Я так и ахнула, когда Брайни назвал мне ее: двенадцать долларов в месяц.

– Брайни!

– Не надо топорщить перья, Рыжик. Мы снимаем этот дом только на год. Если ты выдержишь столько, то тебе не придется иметь дело с уважаемым мистером Скруджем – на самом деле он О’Хеннесси, – поскольку я уплачу на год вперед со скидкой четыре процента. Это тебе о чем-нибудь говорит?

Я прикинула в уме:

– За ссуду сейчас берут шесть процентов... значит, три процента за то, что ты платишь вперед, как бы даешь ему займы, – ведь он эти деньги еще не заработал. Один процент, должно быть, за то, что мистеру О’Хеннесси-Скруджу

⁶⁴ Прижимистый делец из повести Ч. Диккенса.

не придется двенадцать раз ездить за деньгами. Получается сто тридцать восемь долларов двадцать четыре цента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.